

СМЕНА

17

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

От Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совета Министров Союза ССР

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Министров Союза ССР с великим прискорбием извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 31 августа в 3 часа 55 минут дня после тяжелой болезни скончался выдающийся деятель нашей партии и Советского государства, член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР, генерал-полковник товарищ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖДАНОВ.

Смерть товарища А. А. ЖДАНОВА, верного сына партии Ленина — Сталина, посвятившего всю свою жизнь служению великому делу коммунизма, является тяжчайшей утратой для партии и всего советского народа.

В лице товарища ЖДАНОВА партия лишилась выдающегося марксистского теоретика, талантливейшего пропагандиста великих идей Ленина — Сталина, одного из виднейших строителей партии и Советского государства.

Верный ученик и соратник великого Сталина товарищ ЖДАНОВ своей кипучей деятельностью на благо советского отечества, своей беззаветной преданностью делу партии Ленина — Сталина снискал горячую любовь партии и всех трудящихся нашей Родины.

Жизнь товарища АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЖДАНОВА, отдавшего всю свою пламенную энергию делу строительства коммунизма, будет служить примером для трудящихся нашей великой Советской Родины.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (большевиков)

СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР

От Центрального Комитета ВЛКСМ

Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи с великим прискорбием извещает комсомольцев, советскую молодежь о тяжелой утрате — безвременной смерти товарища Андрея Александровича ЖДАНОВА, выдающегося деятеля коммунистической партии и Советского государства, члена Политбюро Центрального Комитета партии (большевиков), секретаря Центрального Комитета партии (большевиков).

Всю свою прекрасную жизнь товарищ ЖДАНОВ посвятил борьбе за счастье советского народа, за победу коммунизма.

Андрей Александрович ЖДАНОВ был верным учеником и ближайшим соратником великого СТАЛИНА. Всю свою пламенную жизнь Андрей Александрович неразрывно связал с борьбой за процветание нашей социалистической Родины.

Андрей Александрович ЖДАНОВ беззаветным служением делу Ленина — Сталина, близостью к народным массам снискал всеобщую любовь и уважение советской молодежи, всех трудящихся нашей страны.

Андрей Александрович ЖДАНОВ был любимым наставником, заботливым учителем, близким другом советской молодежи. Андрей Александрович ценил и горячо любил молодежь, знал ее запросы и нужды. Товарищ ЖДАНОВ передавал молодежи свои глубокие теоретические знания, свой богатейший опыт революционера — организатора масс, воспитывал молодое поколение в духе безграничной преданности социалистической отчизне, товарищу СТАЛИНУ.

Перестало биться сердце одного из виднейших строителей коммунистической партии и Советского государства, выдающегося марксистского теоретика, талантливейшего пропагандиста великих идей Ленина — Сталина. Советская молодежь, как и весь наш народ, скорбит о тяжчайшей утрате.

Вся кипучая жизнь и плодотворная деятельность Андрея Александровича ЖДАНОВА учит советскую молодежь беззаветному служению советской Родине, большевистской партии.

Светлый образ дорогого Андрея Александровича будет вечно жить в наших сердцах.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ.

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Сентябрь. № 17. 1948 год.

Год
издания
25-й

Андрей Александрович Жданов

31 августа после тяжелой болезни скончался один из выдающихся строителей и деятелей коммунистической партии и Советского государства, член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР, генерал-полковник товарищ Андрей Александрович ЖДАНОВ.

Андрей Александрович ЖДАНОВ родился 26 (14) февраля 1896 года в гор. Мариуполе в семье инспектора народных училищ. Шестнадцатилетним юношей (в 1912 году) А. А. ЖДАНОВ после переезда его отца в Тверь вступает в революционное движение, принимает участие в социал-демократических кружках учащейся молодежи гор. Твери (ныне гор. Калинин).

В ряды большевистской партии А. А. ЖДАНОВ вступает в 1915 году. Он ведет активную партийную работу в рабочем районе гор. Твери. Товарищ ЖДАНОВ вскоре становится партийным работником. В период первой мировой войны, будучи мобилизованным в армию, он ведет большевистскую пропаганду среди солдат, принимает участие в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции на Урале. В годы гражданской войны товарищ ЖДАНОВ занимается политическим просвещением в частях Красной Армии, ведет партийную и советскую работу на Урале и в Твери. С 1922 года тов. ЖДАНОВ председатель Тверского губисполкома. В 1924—1934 г.г. он на руководящей партийной работе в Горьковском крае: секретарь Горьковского губкома, секретарь Горьковского крайкома ВКП(б).

На XIV съезде ВКП(б) А. А. ЖДАНОВ избирается кандидатом в члены ЦК ВКП(б), на XVI съезде членом ЦК ВКП(б), а после XVII съезда он избирается секретарем ЦК ВКП(б), кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Товарищ ЖДАНОВ ведет большую партийную и государственную работу. Он уделяет много внимания вопросам идеологии и марксистско-ленинской теории. Его выступление на первом съезде Союза Советских писателей наметило важнейшие задачи в развитии советской литературы.

В декабре 1934 года, после злодейского убийства С. М. Кирова, партия посылает товарища А. А. ЖДАНОВА на работу в Ленинградскую партийную организацию, которую он возглавляет в период с 1934 по 1944 год включительно.

Выполняя волю партии, А. А. ЖДАНОВ со свойственной ему большевистской страстью воодушевляет и мобилизует Ленинградскую партийную организацию на разгром и выкорчевывание троцкистско-зиновьев-

ских двурушников и предателей, еще теснее сплавливает ленинградских большевиков вокруг ЦК ВКП(б) и товарища Сталина.

Накануне XVIII съезда ЦК ВКП(б) поручает тов. А. А. ЖДАНОВУ руководство агитационно-пропагандистской работой партии. Он выступает также на XVIII съезде партии с докладом по вопросам партийного строительства. Любое поручение партии А. А. ЖДАНОВ выполнял, отдаваясь ему всей душой. После XVIII съезда партии т. ЖДАНОВ избирается членом Политбюро ЦК ВКП(б).

В годы Великой Отечественной войны партия и правительство поручают товарищу А. А. ЖДАНОВУ организацию дела обороны Ленинграда. Осуществляя указания ЦК ВКП(б) и товарища Сталина, ленинградские большевики, возглавляемые товарищем ЖДАНОВЫМ, явились душой героической обороны города Ленина. За работу на Ленинградском фронте тов. ЖДАНОВУ присваивается сначала звание генерал-лейтенанта, а потом звание генерал-полковника.

За свою выдающуюся партийную и военную работу т. ЖДАНОВ был награжден двумя орденами Ленина, орденом «Красное Знамя», орденом Суворова 1 степени, орденом Кутузова 1 степени, орденом Трудового Красного Знамени.

После победы в Великой Отечественной войне, когда партия и народ перешли к мирному строительству, видное место в жизни партии и страны заняли вопросы идеологической работы. Являясь выдающимся марксистским теоретиком и талантливейшим пропагандистом великих идей Ленина—Сталина, товарищ ЖДАНОВ выступает с рядом блестящих докладов по вопросам литературы, искусства, философии, по вопросам международного положения.

А. А. ЖДАНОВ находился в первых рядах руководящих деятелей международного рабочего движения. Его выступления широко известны трудящимся всех стран.

Верный ученик и соратник великого Сталина товарищ ЖДАНОВ с пламенной энергией боролся за дело коммунизма, никогда не щадил своих сил и здоровья. Его кипучая жизнь и деятельность — пример самоотверженного служения партии и народу. Горячую любовь партии и всех трудящихся он заслужил своей беззаветной преданностью великому делу Ленина—Сталина, своей глубокой принципиальностью, не допускающей какое-либо отклонение от генеральной линии партии.

Прощай, наш дорогой друг и боевой товарищ!

А. АНДРЕЕВ
Л. БЕРИЯ
Н. БУЛГАНИН
Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ
К. ВОРОШИЛОВ
Л. КАГАНОВИЧ
А. КОСЫГИН
А. КУЗНЕЦОВ
Г. МАЛЕНЦОВ

А. МИКОЯН
В. МОЛОТОВ
П. ПОНОМАРЕНКО
Г. ПОПОВ
И. СТАЛИН
М. СУСЛОВ
Н. ХРУЩЕВ
Н. ШВЕРНИК
М. ШКИРЯТОВ

Советские пионеры свято чтут память героев Краснодона. На снимке: траурный пионерский салют у могилы молодогвардейцев.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Александр КРИВИЦКИЙ

Великое не умирает. Идут годы, а подвиг молодогвардейцев Краснодона стоит перед нашим мысленным взором во всей его драматизме и величии. Подвиг этот не подластен времени. Пять лет тому назад, в сентябре 1943 года, указом Президиума Верховного Совета было присвоено звание Героя Советского Союза организаторам и руководителям подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», Военным орденами Советского Союза были награждены самые члены этой организации.

Мы узнали о жизни, борьбе и смерти молодогвардейцев в дни освобождения Донбасса. С непременным волеизъявлением, бодростью и гордостью читывались советские люди в строчки документов и корреспонденций, поведавших миру о великом подвиге питомцев ленинско-сталинского комсомола. Десять дней на глазах у родных — матерей, отцов, сестёр и братьев — в скорбном молчании извлекали из шурфа шахты номер пять изуродованные тела юношей и девушек, сброшенных туда живыми и раздавленных сваленными на них вагонами.

Народная молва подхватива историю подвига молодогвардейцев и помчала её на своих широких крыльях по всей Советской стране. Дымякой прекрасной легенды окутаны уже деяния отважных комсомольцев, выступивших на борьбу с врагами за дело партии и народа, во имя счастья Родины. И, обняв головы наш короткий нам котляник, мы вновь и вновь думаем о природе героизма советского молодого человека, о величии духа нашего могучего народа-победителя.

Героизм — это качество гражданского и военного патриотизма — русский народ проявлял не раз, когда его родной земле угрожало иноземное нашествие. Но только теперь, в наши дни, мы видим героизм

в его чистом виде, который распространялся в массах и обеспечил нам победу. Это героизм не одиночек, это героизм, продиктованный не спортивным азартом, каждой личной славой или жестоким законом социальное несправедливого общества, в котором выживает сильнейший. Нет! Это массовый героизм, в основе которого лежит ясное понимание целей борьбы, трезвая воля к победе, осознанная необходимость защищать свой род, свой очаг, готовность жертвовать собой ради блага Отчизны, идти вперёд, преодолевая все преграды и утверждая своим движением необходимость идей, вдохновляющих миллионов.

Век героев — это и есть то время, когда основанием поступков является величайшая добродетель из всех существующих в мире — чистая любовь к Отчизне, не ограниченная социальным неравенством и эгоистическими интересами. Это век, когда героизм выражает действительно единую потребность общества и индивидуальной воли. Такой век царит на нашей земле.

Мы выдержали бешеный натиск наиболее подготовленной в военном отношении армии, созидали силу противника, назвали ему свою волю и, круто повернув ход войны, добились решительной победы. Этого нельзя было сделать, владея только лишь первоклассной техникой. Этого нельзя было достичь одним лишь усилением военно-инженерной мысли, побившей врага в области тактики и оперативного искусства современного ведения войны. Всё это только великодушные сагасные, привели нас к победе, основанием которой является беспредельный героизм советских воинов.

Сознание народа необычайно чутко улавливает значение происходящих событий, и именно поэтому никогда ещё во

всей прошлой истории народные массы нашей страны, молодёжь не участвовали с такой самоотверженностью в защите своей Родины, как в дни Великой Отечественной войны.

Справедливость этого утверждения очевидна. Мы были современниками и участниками великой жизненной драмы, которая по своей суровости и алымским усилиям в кровавой борьбе не имеет прецедентов в прошлом. С тех пор как человечество ведёт войны, оно не знало ничего, равного своим военным событиям 1941—1945 годов.

И советская молодёжь, воспитанная партией Ленина — Сталина, оказалась подготовленной к этой трудной войне. Принципы коммунистического воспитания людей выдержали проверку огнём. Юноши и девушки, чьи отцы и матери были комсомольцами первых лет советской власти, показали себя зрелыми бойцами за счастье Родины, достойными сыновьями и дочерьми нашего народа.

Ещё и ещё раз великая партия большевиков имела право подвизать себя с тем непреложным фактом, что качества, которые она культивировала в советском народе на протяжении десятилетий, нашли свой блестящий выражение во время Отечественной войны и вызвали наших людей на путь массового героизма.

В то время как на Западе миллионы людей олакивали над книгой Ремарка свою утраченную в тридцатые молодость, советская молодёжь училась героизму на опыте отцов — героев гражданской войны и вооружённых столкновений с врагом у озера Хасви, при Халхин-Голе, в лесах Финляндии. Советская молодёжь училась мужеству по книгам Дмитрия Фурманова, Александра Фадеева, Николая Островского. Жизнь была как бы продолжением книг, и, отрываясь от страниц, юноши и

девушки видали, как вокруг, на земле, очищенной и обновлённой революцией и сталинскими пятилетками, буйно цвела новая жизнь, победно рос новый, справедливый мир. К этому чистому и неслыбному покоеванию, вырастанию комсомола под любовным присмотром большевистской партии, принадлежали и молодогвардейцы.

Когда-то А. Н. Толстой считал, что нравственным существом, толкающим русское человека на подвиги, является «чувство стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого — любовь к родине и чувство долга». Со времён Толстого много воды утекло, и то, что он называл стыдливым ощущением, стало всеобъемлющим и всепоглощающим чувством советских патриотов, славивших в своём сознании образ Отчества с понятием своего личного существования.

Наши герои — не «герои на час», вспыхивающие искусственным и коротким светом митинга, а люди, способные на длительном напряжении, на отвагу, которая становится бытом, на доблесть, являющуюся постоянным свойством человека. И в этом мы находим объяснение того, почему молодогвардейцы, как и миллионы советских людей, намного превзошли противников.

Тяжело и длительно испытанию были подвергнуты сыны молодогвардейцев, и они, эти юноши и девушки, всё спешали, всё стерпели, но остались верными до кон-

ца великому знамени партии Ленина — Сталина.

Вспомните образ молодогвардейца Радика Юриина. Он был самым юным, но не менее твердым, чем другие. Сколько таких молодогвардейцев выростало наш комсомол, наши пионерские отряды! Однажды на огневые позиции советской батареи из села, занятого немцами, приполз парежёк и связка командирку.

— Дяденька, в нашем доме, справа у околицы, живут важные офицеры, немцы, вроде штаб там. Ну-ка, дяденька, садани из своей пушки по нашему дому.

В словах козачьего парежёка, присланного его матерью, раскрывается величие самоотверженности советских людей, ничего не жалевших для блага Родины. В этих простых словах — дух наших молодогвардейцев, воля партии большевиков, неунымающими трудами своими вызвавшей к жизни поколение нравственно чистых людей, смелых, отважных, юных рыцарей коммунистической чести.

Как отличается философия наших молодых людей от символа веры тех подростков зарубежного мира, в чьё возникновение проныра растлаживавший их пропавший империализм, готовящего посулившим себе кадры! В странах капиталистической Европы и особенно в Америке духовные оруженосцы империализма стремятся поставить перед лицом молодого человека фигуру гангстера, как эталон человека, достойного подражания.

В отрядах бульварных романов и детективных фильмах прославляются рафинированные бандиты, пресращённые авантюристы, люди без веры, отсутствующие нравственности, развращённые паронетки, сознающие своё ничтожество и поэтому готовые служить любому хозяину, стать под любое знамя, идти на любое преступление. Царь этой извращённой обработки жизни Империализму нужны ландскнехты, наёмные убийцы, люди без убеждений, с моралью животных. Таким карам можно познать самое чёрное дело, таких иррационально провабных можно использовать для осуществления самых преступных планов.

Пятнадцатилетний Патрик Винтергов, утверивший своего шестнадцатилетнего товарища ударом ножа, сказал полицейскому репортеру:

— Я хотел испытать ощущение убийцы.

Страшные эти слова — приговор капиталистическому обществу, фабрикующему моральных уроков. Но и на Западе и в Америке существуют люди, которые с презрением отворачиваются от скрижалей капитализма и обращая свою волю в сторону социалистического государства — туда, где люди дышат легко, там, где одним из высших критериев нравственности стал измеренный размах светлого подвига молодогвардейцев.

И когда мы спрашиваем себя, что же явилось основой этого подвига, где черпала сила наши дорогие товарищи, сложившие свои головы за народ, поднимающиеся на горные вершины беззаветного героизма, мы думаем о том доверии, которое питали все они, а с ними и миллионы советских людей к нашей коммунистической партии.

В 1925 году товарищ Сталин писал: «Обеспечить доверие молодежи к нашей партии, обеспечить руководство нашей партии в комсомоле такова задача. Комсомолец должен помнить, что обеспечение руководства партии есть самое главное и самое важное во всей работе комсомола. Комсомолец должен помнить, что без такого руководства комсомол не может выполнять свои основные задачи — воспитание рабоче-крестьянской молодежи в духе диктатуры пролетариата и коммунизма». Вот границная основа, на которой вырос, окреп и закалился наш комсомол. Доверие к партии, верность её знамени и были источником идейного самосознания героев нашего времени — молодогвардейцев и их сотни тысяч друзей.

Мы говорим: «молодогвардейцы» — и видим маленький городок в Донбассе, где бушевала большевистская страсть вихрь сердец, вдохновенным образом партии, Сталина, Родины, их призывом к борьбе; мы видим поля сражений и молодых солдат и офицеров, завоевывавших руки об руку со старшими братьями — волевыми лесами новых сталинских патлатков, на которые вечно поднимался комсомолец, умеющий весело и спорно работать.

Мы говорим: «молодогвардейцы» — и думаем о великодушной молодости нашей страны, о славном пути боевом, никогда не унывавшего, всегда готового проявить почин в добром советском деле, щедрого на инициативу и благородную новизну комсомола.

Мы говорим: «молодогвардейцы» — и понимаем, что время может сокрушить бронзу памятников, но священные имена героев-комсомольцев никогда не исчезнут из людской памяти.

Олег Копылов... Уай Громова... Серёжа Тьяленин... Люба Шенцова... Иван Земнухов... Благородный народ не даст забвению прикоснуться к их образу. Так они и стоят перед нами: гальваники — живые, смеющиеся, непобедимые, с ренессансными, ослеплёнными огнём пыток, израненные, но твёрдые, поющие гимн партии — «Интернационал». Кажется, ещё мгновение, и они, блаская славной сорочьиного подвига, войдут в наш курс, чтобы вместе идти вперёд. В этом наш сознание и заключаю его бессмертие.

«Молодая гвардия». Рисунок лауреата Сталинской премии Н. Жукова.

Ленинград. Вид с Исаакиевского собора.

Цветное фото Л. Зверта

Крым. Ая-Петри.

Цветное фото И. Шагина

Наташа

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС

Пафиловна встретила Наташу асково, парадом. — До чего с родителем покойным схожа: и волос тот же кудрявый и губы, чисто скоространный!

Наташа вспомнила тонко очерченное, быстрогающее лицо отца и довольно улыбнулась.

Потом Пафиловна повела её показывать своё хозяйство. В первом же сарае эта не по годам быстрая старушка подхватив на руки маленького поросенка, покрытого ещё желтоватыми волосками, и поднесла его Наташе:

— Ты погоди на эту озорницу — одной ламы сколько! Не чета вои тем кургузам.

Кавка, скобанившая деревянный настил, отбегая руки о бока, подиравива по косынку прядки беслесых волос и, пользуясь удобным случаем подсунувши, сказала, отдуваясь:

— Который день они покою лишались — всё разглядывают. Уж и так, и сяка, и он яка...

— Так ведь всебланыя, смотреть радостно! — будто незнания, смотрела Пафиловна. — Иного дарма её Игряуши нехоти!

Обязанности Наташи оказались несложными, только очень досаждали старые паленные матки: то ногу отдают, то грязным боком по руке мазану, так как её оторва и чем полагал Пафиловна на разговаривала с ними ласково:

— Вот мы кабакком подзапривисли. Нет, нет... Сами съедим, никому не дадим.

И кургаозиде чушки поднимали из корыта орваные от тыкмы морды и доверчиво отзывались: «Хо... хо...»

К Наташе у них было совсем другое отношение: чуть покочается с поймаю, кавка сразу выхватит из рук, а захватится на них, ещё и огрызнутся.

Поросата была куда приятнее. Наташе нравилось рано-рано утром выскочить боском во двор и, издохнув полной грудью, вприпрыжку кинуться по сырой росистой траве к свинарнику, розовому от зари. А оттуда уже нестётся, бывало, требовательный, настойчивый зов продолжавшихся за ночь отъёмшей. Едва Наташа отодвигала засов, как они, будто белые тугие мячики, гурьбой выкатывались из дверей, миглом опустошая кормушки, а потом принимались драться и играть, да так забавно, что можно было часами любоваться их возней. Наташа забавлялась, играя с ними. Два раза «пробавлялась» за эту Наташу на общем собрании, да ещё Сеня, секретарь комсомольского комитета, совестила добрый час и отобрала недочитанную книгу.

Дважды раз Наташе даже кино сходило было некогда. Кинопередвижка приезжала летом почти каждую неделю. Часа за два до сеанса кто-нибудь из ребятнички начинала названивать в реальс, поворачивая на своем столе воее правящийся колхоза. По этому сигналу Игряуша сразу бросалась к корыту: заприметла, видно, что в такие дни кормежка бывала раньше срока.

Соборы отчаянно заглядывали своим товаркам, жившим в поселке каждый вечер они собирались в клубе, пели, веселились, а она всё своё свободное время коротала вдвоём с Пафиловной. От бабушки Дарьи и можно было узнать все колхозные новости.

Озника она Герагоу твистит, и к кому перекинулся теперь эмтэозский шофёр

Прощка, безуспешно сватавший Наташу вродом яком. А Пафиловна ничем не интересовалась, кроме своих чушек. Подобрет тонкой, как курнина лапка, рукой острый подбородок и начнёт:

— Каждого поросенка готова с ложки кормить. Только вот как на убой сдавать, право сердце от тоски задеётся.

— А я их жареных больше уважаю, — хихикнув, перебивает забавлявшая на огонёк Кавка.

— Нечего нахнешки строить! — обижается Пафиловна.

А Наташа, хотя и не разделяла восторгов влюбленной в свою ферму заводчицей, всё же неприязненно косилась на Кавку.

С наступлением вечера Наташа терпеливо ждала три минуты, когда Пафиловна наконец ляжет спать. Тогда, прикрутив в лампе фитиль, чтобы керосина хватило за полночь, она ложилась грудно на сто, открывала книгу, и мечты уносли её далеко-далеко. «А я тут истребала креолком свиных вшей!» — с горечью думала Наташа, задумая давно мязущую от нагара лампочку. Наутро Наташа хмурилась принимаясь за работу, всё ещё ступала и даже не поворачивала головы на возмущённые возгласы Пафиловны.

Уже дважды Пафиловна простудилась. Неожиданно она говорила, вспоминая по деница». Ещё больше пожелтевшая, она лежала без движения в постели и то и дело принималась ругать себя:

— Стара, а дурна! Развазкой выбегаа... Это под самый-то опорос Вить некому! Ах, давай грал её песок для припарок и по несколько раз в день бегала к свинарнику, чтобы удостовериться, нет ли «почуки».

Она старалась во-всё, потому что мороз предвещала дорогу и наконец приехала дождожидания передиджка. После сердитых причитаний Пафиловна отступала её в кино. Не заходя даже к матери, Наташа зашла в клуб. Там было темно, но совсем ещё не начался — что-то не адылось с мотором. Рядом с механиком с оламшей свечой в руках стола Прощка и по своему обыкновению давал какие-то советы. Разъяренный неудачей, механик всё больше нервничал и цедил сквозь зубы:

— Шёб бы ты до дивчат... Наташа села около дверей и от нетерпения принялась заглядывать косички на бахроме своего позулашка. Как только дался свет, в зал вошла Сенька Макагонов и ещё какой-то высокий, плечистый парень в чёрном драповом пальто и серой кепке. Рядом с обветренным лицом секретаря его лицо казалось необычайно светлым. Наташа позавидовала: «Вот бы мне такое!»

Сенька, заметив, что рядом с Наташей сидят его братнички, протискался к ним и буркнул:

— Марти наперёд, там дая вее виднее... Старший из них, Федька, сердито дёрнул младшего, Ваську, за рукав и пробрался с ним к остальным ребятам, сидевшим прямо на полу между первым рядом и экраном.

Слушник секретаря опустился рядом с Наташей и повернулся к ней. Кенку он уже спял, русые гладкие волосы были у него аккуратно зачёсаны над широким большим лбом, и Наташа подумала, что это гораздо красивее, чем тот оторванный чуб, который обычно взбивала себе Прощка.

— Какая сегодня картина? — поинтересовался дензакон.

— Ну, этак... «Аршин ал малам», — зардевшись, ответила Наташа.

— Наверное, «Аршин ма алаи»... — поправила её он, и добродушная усмешка тронула его крупные губы.

— Паташа рассердилась: «Вот придрут такие из города и воображат, что они умнее всех. И совсем нет в нём ничего хорошего: глаза колочие, и не поймашь, какке, — ното серые, ното зёбыные».

— Как можем, там и балакам, — бросила она, намеренно подражая кавкинскому говору, ещё и плечом дёрнула стропиле, совсем как та, когда Пафиловна её пробирала, и тут же почувствовала, что это не поправилось её собеседнику.

— В зенге работаша! — снова спросила она, на этот раз гораздо суше.

Наташа окончательно смуталась, пробормотала «гуг» и, опустив голову, принялась терпеливо распылать косички на позулашке. Присидевшись к Макагонову, Наташа навострила уши. С первых же фраз их беседы она поняла, что Сенька относится к своему товарищу с большим уважением, даже раз назвал его по имени и отчеству. И вот Макагоновичем, а тот из всех колхозных деа больше всего интересуется работой молодёжных звеньев и послеазвара поедет дальше, как он сказал, «по енвари».

«А я зрвоваа», — подгадала Наташа ещё и потому, что говорила-то больше Сенька, а Николай только задавал короткие вопросы. Ей понравились его голос, низкий, чуть-чуть глатуватый, и она усмехнулась, вспоминая жалобы бабу Дарьи на прошкин «дишкват», от которого «в ушах свербит». Обычно при первых стрекочущих звуках киноаппарата Наташа почти переставала дышать в ожидании тех чудес, которыми островеет её экран. Но сегодня она первым делом, осмелев в темноте, глянула на Николая.

Он сидел, вытнувшись шею, низкий пухлый губы выдвигався у него немного вперёд, как будто он был чем-то обжеи.

— Наверное, на меня... — встретилась Наташа. — Чего это я вздумала с ним так балакать? Но сейчас этого уже никак нельзя было поправить, и она тоже стала смотреть картину.

Там по разукрасенным комнатам ходила чернобровый парень и пел: «Что со мной... Что со мной...» — Наташа выигнула, в чём тут дело: «Ну ясно — вальдальки! Вероятно, она даже сказала это вслух, потому что Николай тут же пропелита ей:

— Это ты сразу сообразила, а балакать не можешь!

— Це нам бед надобности... — бросила она, делая несколько переходов на прежний тон.

— Ты что же, и на собраниях никогда не выступаша? — продолжала попытаться Николай.

— А ну, тивее... Слышеть мветает? — раздался сзади дребезжащий тенор Прощки.

«Решнует... — подумала Наташа, но это не доставило ей обычного удовольствия.

— Чём ты Прощка! Вот есам бы такой герой, как ты экрине!» — Нет... нет... Конечно, не такой... А какой?»

Картина рассказывала о чужой, непривычной жизни, о чужих, неведомых чувствах, и Наташа стала грустно.

«До чего же всё это интересно поучается! — думала она, вздыхая. — Ишь, сердце стонет, как свирель! А Прощка

угоривала: «Пойдешь за меня — враз два плавья справлю...» Вот Николай, давника, не стал бы плавьями преувеличать, ну и свирелью тоже... А чем? Особоругала в его сторону и встретилась с ним взглядом. Что-то он пеннута ей, она не расслышала, хотела переспросить, но в это время от дверей долетел повелительный окрик:

— Мамагонов! Сенька... Пресидетель калечет. А ну, давай сюда веселее!

Вместе с Сенькой, как показало Наташе, довольно неохотно, ушла и Николай. Тотчас же, как из-под земли, выросли мажиганские ребятники. Федька посадила на лавочку совсем сонного Ваську и сказала Наташе:

— Чуть не забыла... Как опорестис эта чушка, что летос травилась бахути, шуми про то ишей бабушке, она пришла.

— Хорошо, что хоть про чужом человеке про потраву не брякнула! — породавалось в душе Наташа и, надеясь разузнать у бабки что-нибудь про Николая, поспешно предлоказил:

— Пусть завтра наведается... Может, в ночь принесет.

Теперь у ней пропала всякий интерес к картине. Выдуками всё это! Небося, после той потравы Прошка говорил на собрания больше всех!

— И слезы хочу, — захнычка Васька.

— Раз увливался, так сиди, — сердито зашипела Федька, — а то как дам!

— Домой хочу! — не унималась маленький.

— Бегает эта девка вокруг прудок, как огулява. Так бы и ныкнул её в воду, чтобы картина кончалась.

Судя по внезапному рёву Васьки её, очевидно, Федька ему всё-таки «дал». Наташа взяла мальчунку на руки и вымшас с ним из клуба. На дворе опять потешало, тучи закрыли небо, накарпала дождик. Снова ногой додору, Наташа осторожно двинулась в темноте. Васька притих. Еще издали она услышала в мажиганском садочке чьи-то голоса. Крадучись, подошла ближе. Так и встала Сенька с Николаем около потрешкальной дверной щелочки — раз, другой, Васька на её руках как-то вдруг весь обмяк и стал необычайно тяжёлым — он заснул. А бабка Дарья не отставалась, видно, досматривала десятый сын. Наташа присела на крылечко, прикрыв Ваську своим полушалком и опять прислушалась. Говорил Сенька:

— Вот сроду так — ни картины не досмотриши, ни кинут не дочитаешь. А в райском на вид ставит! Ты — говоришь, — мохом оброс, над собой не работаешь...»

— Вероятно, справедливо ругают? — с усмешкой спросил Николай.

— Оно, может, и справедливо, да что толку! — с досадой пробурчала Сенька. — Вот смотри, «Восток и Запад». Как сюжет, олода, в до первокотчиков и самому охота, да не доходят руки — и всё! То подкормки, то куальтивания, да так подряд и пошло... Не мне одному трудно; то молодыеж добре достался. Центнера дай, как хорошо обещать, по десятиворкам агитуря, с уставом не подкачай. А ведь глядя-ка, справляются!

— А справляются? — недоверчиво кинул Николай.

— Справляются!

В ропание Мамагонов Наташа почувствовала явную гордость и обрadoraваля: «Ишь ты, горой за нас!»

— И вот что интересно, — весело продолжала Сенька, — что ни больше работаешь, то больше расхваливаешься. Как скажешь ей, право! На что уж десятка, и то одна от другой азартнее. И несмотря ни на что, одна от другой свежее и гладше. Видела сегодня в клубе? Невесты, как на побдор...

Сенька халинула себя по косякам и раскатисто захохотала. Потом, видимо, ова-

саяся, что соблагула алишее, сразу перебежала на деловой тон:

— Завтра перед картинной у тебя кое-чем из актива позакочмаю. Сам устроишься.

— Да я с утра везде у вас похожу, — с расстановкой сказал Николай; немного помолчал, пыхнула несколько раз папироской и спросил, как будто между прочим: — А кто эта девушка, что с нами рядом сидела? Тоже, наверное, из твоих активисток?

— Какая? — удивилась Мамагонов. — Смулявенькая такая, глаза по ложке? Наташка Савина. Вот это как раз пустиковая девчонка! Про неё сказано: трёх свиным корму не разделит. Посааа её на свиноферму, так меня теперь пресидетель драконит из-за её халатности. А что я сделаю? Заменить некем: сам на носу, весь народ раскраслен по зевкам. Уж я ей раз пять на вид ставил!

По тому, как взметнулся и, описав дугу, далеко в кустах упала огонёк цыгарки, Наташа поняла, что Николай вышел из себя. И действительно, через секунду загремела его возмущённый бас:

— Не верю я, что не может она работать как следует! По лицу же видно: умнишкая, острая. В школе была отличницей? Ну, вот! А теперь вдруг оказалась извечным человеком? Не может этого быть! Просто не сумея ты к ней подойти — вот и всё! Ни разу не поговорила по душам... Это тебе надо опять на вид поставить, а не ей.

— Ну-ну, — примирительно загудела Сенька, — разойдись. Может, и правда, чего недоучил. Текуча, брат, убит.

— Я сам с ней завтра побеседуя, — раздалось сказал Николай. — Она комсомолка? Значит, договоримся.

Наташе показалось, что он встал и идёт в её сторону. Она роготнула несколько раз холодный воздух и закрыла лицо руками. От её резкого движения Васька скатился с колен, шапелулся в грязь и залоголся. Наташа подхватила его и что есть сил забарабанкала в дверь.

Перепуганная бабка забрала малыши и ещё громче, чем он, закричала её вслеп: — Да погоди, куда же ты в такую тему? Чь слугреал? Мать дома призывала попеть!

Но Наташа уже шагала по дороге на ферму. Весь остаток ночи она прослежала

с открытыми глазами, а чуть свет, не дожидаясь напоминания Панфиловым, принаеясь наводить порядок у сугорских маток. Обычная, повседневная работа доставляла ей сегодня каку-то ещё не испытанную радость. Ей было приятно подхватывать тяжёлые навальники сляжавшейся соломы и бегать от колада с пшанками по краёв ведрями. Тяжёлый ветер раздувала косынку, шекота шею. Иногда в просветах облаков показывалась солнце, и тогда всё вокруг становилось по-весеннему праздничным. Неожиданно нарядным казалась даже разгулявшийся по двору заморозный клавчик петух, которого та всегда отгоняла от корма, возмущённо упреляя:

— Чь тебе яйца несть?

— Ужоньки... острая!... — припомнилась вдруг Наташа слова Николая, и она опустила на колени возле петуха, любяще огненным бликами в его рыжих перьях.

— Петька... Петька! — позвала она, вытряхивая из кармана хлебные крошки. Петух небрежно стукнул носом в землю и загораивал, селая кур.

— Ай да киваар! — со смехом крикнула Наташа, вскакивая на ноги.

Засылав её голое, старые матки начали буйствовать в своём сарае. Наташа подхватила ведро и побежала, но у колода растерянно остановилась: «Трёх свиным корма не разделит», — сказала про неё Сенька. А потом, посаа её угодя, наверное, ещё чего-нибудь подбавила, чтобы оправдаться, например, про потраву...

Петух нагнал Наташу, надеялся на заветуря в её руке корку и, подпрыгнув, по ошибке кинул в плещ. Наташа посаала чуть заметную ранку, села на сруб колода и загустила: «Да, уж если про потраву сказала, — значит, концё! И не подумает Николай разговаривать с тобой продолжательницей... Просто скажет Сенька: «Чего там на вид, тут можно крепче выводи сделать». Наташа опять поднесла плещ к губам, подала на него и горько заплакала.

За ободом она болтава в миске ложкой и так вздыхала, что Панфилова даже ветреложивала за её здоровье. Девушка пожаловалась на головную боль и попросилась на ночь домой: мать, мол, попарит её в баньке — и всё пройдет. Против этого Панфилова не могла возражать, и Наташа решила: «Сегодня всё-таки схожу в

— Какая сегодня картина! — поинтересовался незнакомец.

кино, назло Сенюке. А потом уж ладно! Безмялза заснула в катушках.

Запирала под вечер вило-зеленый лист ашерни, она так предвставляла себе строго глаза Николая, как будто завету. Сама не зная почему, тихонько зашла, как вчерашний чернорыбый парен из картин: «Что со мной... Что со мной...»

И точно вторая её из соседнего сарая добрось приглушенный крик Клаавки: — Паша-а-а... Сюда пшиде... Чего-сь буде-е!

Дернув рывком тяжёбую дверь, Наташа бросилась на зов Клаавки, лезла на корточках в катушке Игруньи. Молодая матка с остервенением хватала ртом пучки солом, с хрустом их перерывала и, бросив себе под ноги, принималась за новые.

Чуть-чуть поодорок сказала Клаавка: — Постою чудешнатым готовить в ночь опростается.

«Обойдётся деао и без меня, — попробовала успокоить себя Наташа. Клаавка пришла не первая днём на ферме».

Всё же она колебалась: а вдруг эта ажебока прозевает? Пороcata померзнут мои чушка поданит их по неопытности первый раз пороситс. Но ведь Панфилов сейчас в асходе, может быть, она сама как-нибудь справится? Сразу по-веселел от этого предположения, Наташа убежала в кату и начала подробно описывать все приспособления Игруньи. Она даже показала помахааа головой, изображая, как Игрунья вбивает подстилку.

Панфилова никогда не ходила в церковь, давным-давно забывая про посты и молитвы, но тут она истово прекорствилась, попованно поднялась и снова ушла на подкуши.

— Как же это так! А? Как же это так, — повторила она растерянно. — Такой случай, а вот! Я ж думала, износу мне не будет.

Наташа посмотрела на её тонкие руки и отвернула.

— Лежите ужи — посоветовала она кому-ро. Без вас управимся в алучше видне... Все сомкины сразу отворились, она со-молас из хаты в сарай и обратно, собирая всё необходимое. Забежав в сарай с новым фанерным ящиком для будущих поросит, Наташа увидела, что Клаавка выскочила в соседнем пустом катушке, уютно свернувшись на ворохе сена.

— Тоже мне — помочиная! — сказала Наташа ворчальным тоном Панфиловы.

Она полностью вошла в её роль и даже рукава засучила с той же деловитой манерой. Игрунья лежала на боку и тихо стонала. Потом и она, казалось, задремала.

Чтобы разогнать сон, Наташа вышла на воздух. Дул сильный ветер. На черепице скрипал курай! шевелась, как грива какого-то чудовища.

Наташа поёжилась и пристукнула зубами от озноба. И вдруг являя в постеле, мотаясь ужом каленом, и разбрасывая широкий список ярлык синеватый свет — это кончалось кино и открыли двери клуба для выходящего народа. «Наверно, там и Сенюка с Николаем. Опять будут сидеть в сарайке и разговаривать. Надо пойти бы к ним, как ни в чём не бывало, и спросить: «А какая сегодня была картина?»

Наташа торопливо переувяла платок и подступила сауги.

Она, например, через бааучку, минут за сорок pudo там, — быстро прикинула она. — Узнаю про картину, а главное, — совсем успеет там ещё вернётся! Обратно тоже рыве... как раз успею». Но в этот момент Игрунья резко выскочила, и Наташа кионулась к ней. Через несколько минут она поднялась к фонарю тёмное скользящее тельце. Поросятком молча, из-под синеватых вет стеклянно поблещивая незлые глаза.

Подавляя Панфиловы, Наташа быстро очистила его ноздри от слизи и, словно играя на гармонии, стала ритмично сводить и разводить его ножки. Послышался

вздых, тельце дрогнуло сначала слабо, потом сильнее, и вот на её коленах уже барахтался новорожденный боронок, ядрёный и белый, как только что ошчиная капустая чохерыжка.

«А ведь совсем дожили бы! — изумилась Наташа и покосиле сунула его на весы. — Ого-го! Полтора килограмма!»

Ещё немного поблещившись поросёнком, она поспела ей в шпик и накрыла мешком, чтобы не озяб. Но не успела от-вернуться, как боронок выскочила оттуда и заковылял по соломе, потешно тыкался позадку своим розовым пятчком. Пришлось его запереть, а уж тут как можно удержаться и не поиничить такую забаву!

Наташа поднялась к фонарю тёмное скользящее тельце...

кую куколку! Боровишка приняла это, как должное, и бугновать перестала. Наташа снова положила его в ящик, привела окошко Игруньи и сквозь прищуренные реснички усталила на фонарь. Баестящая огоньк пламени то вытгивалась, то оседала, будто тыщца, и от этого у Наташи в ушах зазвенели обрывки каких-то песен, а вместе с ними нахлынула тёмная, радостные мысли: «Как же назвать боровишку? Ну, конечно, Ботатырь: он такой крупный и правый... Отличный лаемной боронок».

Потом поросата посылалась один за другим, как дымки... Наташа потеряла им счёт. Не успевала она отобреть одного, как уже надо было отрезать туловню следующему, а обожихи подкалывать к вымени Игруньи, старательно помечая химическим карандашом номер соска на их лау.

«Мама ридиная! — раздался у Наташи за спиной испуганный голос Клаавки. — Скажи же она их накатаа! Сроду такого не бачила...»

Наташа выпрямилась занемную спину. Через окошко пробивался жёлтый дневной рас-свет. Свет фонаря казался жёлтым и густым, как мёд. Игрунья лежала, вытнувшись во все длину. Её белые жёсткие реснички были устало сомкнуты. Наташа пришлось считать пришлое раз дяде...

Она несколько раз сбивалась и принималась считать снова. Наконец разблещалась: двенадцать штук! Панфилова не ошиблась: матка и впервые замечательная. Ну, теперь спать, спать, спать...

Закинув руки за голову, Наташа блаженно потянулась. Ай, куда там спать! К постелу будут заврывать под об. Скорее мяться и переувяать. Скорее в по-сёаю!

— Ой-ой, поднялась. Как бы манесница Николая не зашибла! — испуганно закричала Клаавка, а сама скорее подалась к двери.

Ты тут, Наташенька, приглядывай за ней, а я пришла бороться гондуть, слышь, как разорются!

Игрунья жалюно топталась, потом снова легла, осторожно отодвинув поросит.

Наташа села на порожек, поставила аюкти на колени и подслрала ладными подбородок. Её калона в сон. Голова бо-бала, но истово выскочила, как будто по-кой-то нарастающий шум, как будто по-ходил поезд. Да вот же и поез! Выбрасывая белые клубы пара, паровоз всё ближе и ближе подходит к свинарнику. Наташа испуганно выскочила, больно ударившись плечом о дверьцу.

Теперь она ясно слышала звуки автомобильного мотора, но ей это казалось продолжением сна: ведь по просёлочной дороге можно фермы даже летом редко кто ездит.

Нопытавшись и потирая садившее плечо, она пошла к выходу и здесь почти столкнулась с улыбающимся Пронхой. — Ней! Панфиловы... — тараторила он, размахивая помпым ведром. — Я ж об-яснил: загружен! Так нет... Да два раза не жёте тагаи, а как пошам под ветерок, аж с радиатора паром шибнуаю!

Куда едет? — спросила Наташа. — На станцию. Сенюшкиного дружка везу и его самого. Ещё бабка Дарья до вас гости-ты увезалась.

Наташа молча отстранила Пронху и по-бежала во двор. В зелёной фанерной по-стеле эмтэсовское «газика» никого не было. Наташа бросилась в кату. Николай стоял около постели Панфиловы, улы-бался своей хороничной, доброй улыбкой. В этой низкой комнате он казался особен-но солидным.

На стук двери он поднял голову. Наташа спохватилась, что ещё не скинула грязного халата, но тут же заблала об этом и на пыточках стараясь не тронуть е-жёлками сапогами, пошла к нему на-встречу.

Светка кинулв в ответ на робкое «равствуйте», Николай сунал ей в руки небольшую порослянушку и сказала, Наташа сразу узнала её: это была та самая куколка, которую когда-то отобрала у неё Сенюка. Узнав голубая ленточка была за-скожена, Николай поспел встать, где оставалась её Наташа полугол, назав, так и сокранилась зелёные пятна от влажной травы, куда шибнувалась книга в потоне за шкловидной чушкой.

Теперь догадалась, — сказала Нико-лай, видимо, очень довольный своей улыбкой. — Хороша книга?

— Очень даже хороша, — согласилась Наташа.

Ей хотелось сейчас говорить с ним не о терние повести, а о себе самой, о тех мыслях, которые пришли ей в голову этой ночью. Но никак невозможно было рас-сказывать об этом при всём народе.

Листая беспорядочно книгу, Наташа ждала, что скажет он сам. И, будто угадав её настроение, Николай спросил:

— Чего же ты в кино не пришла? Мне надо было кое о чём с тобой потолковать.

— Да вот, поросята, — ответала она с зашиной.

— Ты же справилась, — нехотая выш-залась в разговор Клаавка, — куда от ви-ших пропалодогих крупинке...

— Должно, на распад будут подходи-ще, — вставила и своё словодобое бабка Дарья.

Николай озадаченно посмотрел сверху вниз на одну и на другую и снова поверну-лся к Наташе:

— Так, значит, ты из-за поросет не пришла? Так, так... Ну, теперь выхаживай книку. Пронхай проверит...

— Эй, куда выхаживать поре! — заболело-лась Пронха. — По такому киеаюо пи-лять побоее часа.

Давно зашло вдала гута мотора, а Наташа всё сидела на срубке колода. Тёмный вечер разгулялся, косыла, шёлк, шёлк. Тучи разошлись, только одно лёгкое облачко заслоняло солнце, и от этого по-всему двору скользили мягкие, мгластые тени.

1 Курай — местное название кустов «перекати-поле».

ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Фото В. Гребнева

Дмитрием Рымовым и Людвиг Христовичем Равин.

Студенты училища изучают также историю и теорию искусства. К их услугам прекрасная коллекция музея училища, уже сейчас насчитывающая свыше трёх тысяч образцов, среди которых есть и уникальные. Коллекция античных ваз и фаянса — одна из самых лучших в СССР.

Курс обучения в училище построен по циклам. Студенты, проучившиеся пять лет, получают среднее художественно-промышленное образование и диплом рисовальщика или мастеров-художников. Полный курс рассчитан на восемь лет и даёт звание художника декоративно-прикладного искусства. Кроме того при училище имеется отделение подготовки мастеров-кооперативщиков.

В июле этого года на отделении подготовки мастеров состоялся первый выпуск. Дипломные работы выпускников представлены на большой выставке, устроенной в учебных классах и аудиториях для всеобщего обозрения. Выпускники показали себя хорошими мастерами, обладающими большим художественным вкусом.

Вот примеро сделанный из белого мрамора скульптурный бюст товарища

И. В. Сталина. Это работа молодого мастера А. Щербикова. По модели скульптора Вучетича студентка училища О. Цуцанова выполнила скульптурный портрет В. И. Молотова.

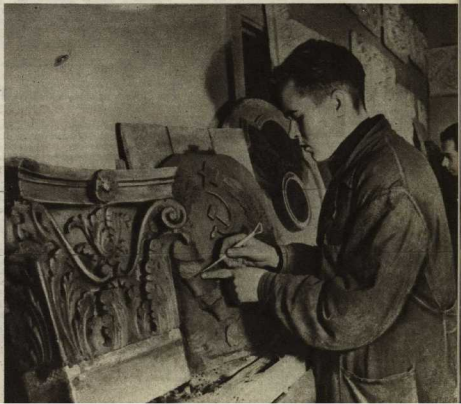
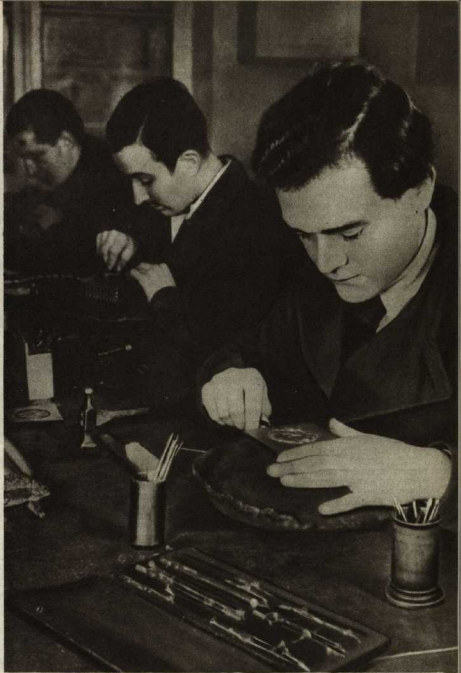
Гравер А. Ясон показал сделанную им к юбилею В. Г. Белинского бронзовую медаль.

На выставке экспонированы также изделия из металла и дерева, мебель, фрагменты декоративной росписи стен.

Всего здесь восемь человек, окончивших училище приступили к работе по специальности. Один из них остался в Москве, другие уехали в Ленинград, Петрозаводск, Новосибирск.

На снимках: верхний ряд слева направо — студенты училища А. Михалюк, В. Данилов и В. Гинько в мастерской художественной обработки дерева; на уроке живописи, занятия ведёт преподаватель И. В. Аверинцев; лепка с натуры в классе скульптора С. В. Коляцова; в мастерской художественной обработки металла.

Нижний ряд — студент училища И. Силес работает над скульптурой «Малыч, вынимающий занозу»; на практических занятиях по художественной обработке металла; студент В. Богоров за работой по декоративной лепке.

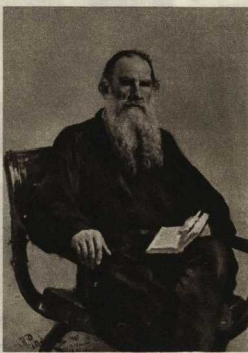
ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ЛЕНИН О ТОЛСТОМ

С двадцать лет прошло со дня рождения великого писателя земли русской Льва Николаевича Толстого, творчество которого явилось новым шагом в развитии мировой культуры. Произведения гениального художника, получившие исключительно глубокую, подлинно научную оценку со стороны вождя русского рабочего класса В. И. Ленина, стали наиболее ценными и читаемыми народом после Великой Октябрьской социалистической революции. За истекшие 30 с лишним лет произведения Толстого переведены на 54 языки народов Советского Союза, а тираж его произведений составляет 20 миллионов экземпляров.

Основная литературная деятельность Толстого протекала в эпоху 1840—1900 годов, то есть в тот период, когда происходило перемещение революционного центра из Западной Европы в Россию. Этот исторический процесс мирового значения и отражен Толстым в своем творчестве. «Иснул эту полосу в исторической жизни России, — писал Ленин, — Л. Толстой сумел оставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подлинной революции в одной из стран, приравненных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (Соч. Т. XIV, стр. 400).

Толстой, как художник, мыслитель и проповедник, проник в такие глубины человеческих отношений, что творчество его стало грозным обвинительным актом против помещичь-буржуазной царской России. В его произведениях звучит горячий, страстный, нередко беспощадно-реактивный протест против государства и помещичьско-казенной церкви, передается настроение призрачной крестьянской демократии, в которой век за веком нарастает процесс уничтожения и грабежа, неумизма, обмана и мошенничества накопился гора злобы и ненависти. С огромной силой и искренностью Толстой бичует господствующий класс, разоблачает ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится эксплуататорское общество: церковь, суд, полиция, буржуазная пресса, буржуазная наука и искусство. Быть губернатором, прокурором, председателем суда, начальником тюрьмы, помещиком — значит быть преступником — такой вывод делает Толстой в романе «Воскресение». Недаром в то время говорили, что в России два царя: Николай II и Лев Толстой. — Эти последние два человека, был даже скальпинг первого, но царствующий Николай ничего не мог сделать с Толстым, не мог поколе-

Л. Н. Толстой. Портрет работы И. Репина.

бить его «трон», тогда как Толстой, несомненно, колебал трон царя и его династию.

Сила слова Толстого была необычайна. Высшее, например, царский администратор мужика, сослал человека в Сибирь — явление обычное в то время на Руси. Но вот устал об этом Толстой и изумленно воскрикнул: «Не могу молчать. И не могу. И не могу... И голос этот звучал, как набатный колокол, его воспринимали так, как будто слышали шепотом. Царское правительство вынуждено было умерять свой пыл.

Почему общечеловечная истина в устах Толстого становилась как бы новым откровением, так поракала сердца? Ленин говорит, что «особенные критики Толстого и её историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, направляет лому взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стонт

на точке зрения патриархального, наивного крестьянина. Толстой переносит его психологию в свою критику, в своё учение. Критика Толстого поэтому отличается такой силой тупости, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает переживания из тысяч миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает немые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «притонцев» и т. д.» (Соч. Т. XIV, стр. 405 — 406).

Толстой нарисовал дивные картины русской природы, русской жизни, образы, увековечил прекрасные черты русского характера. Его произведения представляют значительную часть русской жизни, неиссякаемую сокровищницу эстетического наслаждения. Мир, создаваемый великим художником, необычайно широк и многогранен, его образы трепещут жизнью, наполнены движением, кипением, человеческими страстями, глубокой человеческой мыслью, благородными стремлениями, радостью и печалью, влетами и падениями.

В произведениях, взглядах, учениях Толстого далеко не всё равнозначно, не всё воспринимается нами как наследие. Ленин учил различать в творчестве Толстого то, что принадлежит будущему, и то, что принадлежит отжившему прошлому, что нами отвергается как негодное, реакционное. «Толстой отразил наиболее ненависть, созрелее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательства, политическую невоспитанность, революционную мягкотелость (Ленин и Соч. Т. XII, стр. 334).

Советские люди ценят в Толстом гениальному художника, давшего несравненные картины русской жизни, первоклассные произведения мировой литературы, страстного и бескомпромиссного критика капиталистической эксплуатации, насилия, общественной лжи и фальши и отвергающего порождающую их Христе помещика, толстода, проповедника утонченной пошлости.

В наше время находится ещё такие литературоведы, которые в том буржуазном либеральном вртоте у Толстого, как о голосе цивилизованного человечества, шибуют об идеях правды, добра, о великой советской и т. д. Эти избитые «профессорские» фразы лишь автоматом истинный смысл творчества великого писателя. Выступая эстетически и социально учено творчества Толстого для Ленин, видел в нём такую «идею» человека, такого писателя, равного которому нет в мире.

И. САФРОНОВ

— Дайте, пожалуйста, мне «Воскресение».

— А мне «Севастопольские рассказы».

— Скажите, кто из критиков наиболее остро оставил впечатление на морально-эстетическом взглядах Толстого?

— Я хочу хорошо понять: почему В. И. Ленин называл Толстого «зеркалом русской революции»? Неискусствено, что в первую очередь следует мне прочитать? Л. Н. Толстой — один из самых любимых и ждано читаемых авторов. Но сейчас особенно велик спрос на его книги в Тульской областной библиотеке. А какой области в Исаею Полику Тысячи людей интересуются тем, как жила, в каких условиях творца замечательный русский писатель.

ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

— Мы должны знать о нашем великом земляке гораздо больше, нежели знаем других областей. В этом высший долг земледельца, — говорит толстик, 9 сентября народами нашей страны отмечается столетие со дня рождения Льва Николаевича Толстого. По инициативе Тульского обкома ВЛКСМ в Тузе проведены «толстовские чтения» — цикл лекций о жизни и творчестве Толстого. В организацию их приняли участие трудящиеся Дому-музея Л. Н. Толстого в Москве, Ленинки совместно собирали большую аудиторию.

Приходили студенты, учителя, офицеры Советской Армии, школьники старших классов, тулякские оружейники и т. д. Первое чтение состоялось в феврале. Его открыла выучка Л. Н. Толстого С. А. Толстая-Бессина. Лекцию об оценке творчества Толстого Владимиром Ильичем Лениным прочитал профессор Киришин.

В Фойе областного драматического театра, где проходила выставка, экспонировалась выставка, рассказывающая в картинах, фотографиях, документах о жизненном и творческом пути великого русского художника и мыслителя. Эта выставка стала

затем учебным пособием для подготовки тысяч учителей-заочников, приехавших учиться в казеными в Тульском педагогическом институте. А через некоторое время она займет постоянное место в Областном краеведческом музее.

Закрывая чтения, директор-хранитель Дома-музея Л. Н. Толстого в Исаею Полику И. И. Зюлков отметил, что чтения, безусловно, творческая и интереснейшие широкие слои трудящихся Тулы к серьёзному и глубокому изучению творчества Льва Николаевича Толстого.

Чтения были ещё раз, что произведения Толстого стали действительно достоянием всех, что они всегда будут ценными и читаемыми массами.

А. ШАПОВАЛОВА

Эдвард Харрис ХЭТ

ЧТО ИХ ЖДЕТ ВПЕРЕДИ

Рассказ

...Вдруг, неожиданно, все четыре года кончились, и состоялся выпуск; они получили плотные, цвета слоновой кости дипломы из потных рук мистера Болдуна — декана Колледжа науки и литературы.

И вот они уже, как выразился президент университета Эпштейн, во всеоружии и в ладах для встречи с великой эпохой... Да, Эпштейн так сказал, с улыбкой восторженной монахини: «Вас ждёт впереди Жизнь. И я убеждаю вас войти в неё, как подобает Мужчинам и Женщинам, сияющим всем, что мог дать нам университет нашего штата...» Они были Мужчинками и Женщинками, в ладах и во всеоружии высшего образования, платые завидной энергией.

...После выпуска они сидели за столиком в кафе-терии влюблён — Бингем и Перл. Бингем вытянул уставшие ноги, достал из кармана карандаш и написал на бумажной салфетке: «Знаю тебе ехать домой в Монтану, Перл? Я люблю тебя. Правда! Прощу сохранить для дальнейших свиданий», — и протянул ей через стол, уставленный кофейными чашками и пепельницами, полным округом.

Пока она читала, Бингем смотрел, быть может, в последний раз на шумные группы студентов и на горсточку тихих, молодого выглядящих преподавателей. Когда он снова повернулся к Перл, он увидел, как она вытирала совою шею, тожкою и прохладною, снятым новым платком. Занписка была разостлана перед ней, как раскрытая книга.

— Как я мог полюбить девушку, которую зовут Перл? — спросил он.

— А ты любишь? — сказала она так тихо, что он еле расслышал слова сквозь грохот посуды, редкий звон кассы и шум толкоров.

— Нет, — сказал он. — Ты была, мисс, прошу прощения, просто... очень приятной знакомой.

— Знаю, — кивнула она и засмеялась.

Она знала также, чем была для них все эти годы, как близки они стали, почти неразлучны, какой глубокой стала их любовь...

— Просто игрушкой, — сказала она строго, но всё ещё с улыбкой на губах. — Игрушкой, Джеральд.

Он поспешно проглотил комок в горле и отвернулся.

— Хотите выпить? — спросил он («Пожалуйста, не смотри на меня так, Перл! Меня мутит, когда я думаю о Монтане!»). — Мартини?

Не дожидаясь ответа, он облизнул официантку.

— Два мартини! — заказал он, доставая большой носовой платок и вытирая им лицо. — Так вот, Перл, я хотел сказать...

— Что же?

— Слушай, — начал он, положив обе руки на липкий стол и глядя, не мигая, на её спокойное лицо, на острый кончик подбородка, который так и проследил в чашу его рук. — Слушай, — сказал он. — Какого чорта эти четыре года вдруг кончились? Нам было так хорошо, не надо было думать о будущем... К чему я клою?

Он вдруг замолчал, собирався с духом.

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Да.

— Вот, — сказала официантка, поставив на стол два бокала.

— Любю за тебя, Перл! — сказал он, поднимая свой коктейль. — Ты на самом деле выйдешь за меня замуж?

— Я уже сказала: да.

— Не знаю... Ты же мог бы поехать со мной в Монтану, пока...

— Ты могла бы поехать со мной в Нью-Йорк...

— Эх, смешной человек, — сказала она.

— Пилипс? — спросил он, протигивая корбку.

Она с облегчением заметила, что её кулак, берущая папиросу, не дрожит и что его пальцы, подносящие ей сигнику, тоже спокойны и льдом не нигит...

Она встала из-за стола. В простом тёмном платье Перл казалась ещё тошнее и прохлад-

нее, чем когда-либо, и он смотрел на неё, не отрываясь, словно желая запомнить навсегда, ибо в этот день она уезжала в Монтану, а он на три часа позже — в Нью-Йорк, пока ещё не имея в виду никакой работы. Хотя президент Эпштейн и сказал, что их ждёт целый свет и что для них с Перл, молодых людей с дипломами в карманах и четырьмя чудесными годами учения за спиной, начинается новая жизнь...

Стоя возле него, пока он, расплачиваясь, считал деньги, она вдруг тоже почувствовала пустоту внутри при мысли о том, что должна сегодня уехать. Он отсчитал деньги и тридцать пять центов из маленькой горстки монет, составлявшей весь его капитал, кроме денег на билет домой.

— У тебя хватит? — спросила она. — Добавить? У меня есть мелочь...

— Нет, благодарю. Я богат, как Эдди Меклон, — сказал он, опуская в карман оставшуюся мелочь.

Они стали острить по поводу своего выпуска в свет, многообещающий свет, чудесный свет, несмотря даже на то, что он чуть-чуть неполноцен... Бингем зазвенел монетами в кармане и тихо смеялся сам над собой, вспоминая, как только что сделал её предложение за липким столом кафе-терии. Они оба забыли, что разделяются в этот день в разные стороны...

— Он знает её под руку, почувствовала прохладное прикосновение. Но не успели они дойти до дверей, как заметил мисс Перселл.

— О мисс Перселл! — воскликнул Бингем, улыбаясь.

— Мисс Перселл в сером зимнем виде костюме, который она носила круглый год, остановилась. Её тонкие пальцы слегка сжали пошленную сумочку, которую она держала высоко над рукой.

— Хелло, Джеральд! Хелло, Перл! — откликнулся она, впервые не называя их по фамилиям. — Поздравляю, — сказала мисс Перселл, их преподаватель в истекшем году по разделу «Без Семуэля Джонсона».

Она остановилась перед двумя своими быв-

шными студентами и одарала их такой теплотой, глубокой улыбкой, что их лица вспыхнули, словно она шепнула им какую-то тайну.

— Добро пожаловать в жизнь, — продолжала мисс Перселл вежливо, — она чудесна, чудесна! — тут мисс Перселл откровенно, словно говорила сама с собой, и ушла, постукивая каблуками.

Они застыли, пораженные теплом, струившимся из её глаз, когда она им улыбалась. Молодые люди вошли, что они уже не студенты. На этот раз по имени, мисс Перселл стала их другом, перестала быть непонятой женщиной. Больше не будет она стоять у окна, замораживающее стуча пальцами и докучливо спрашивая: «Что вы знаете о поэзии Колинса и Грей?»

На этот раз она видела её такой, и вдруг им захотелось поговорить с ней, попроситься...

— Мисс Перселл! — позвала Перя; но мисс Перселл уже ушла.

Они незаметно вышли на террасу...

— ...Им так и вогде, держась за руки? — спросила Перя, когда они поднялись по широким ступеням.

Пока она ждала ответа, часы на Мюзик-холле пробил три часа — оставалось только час с четвертью до отхода её автобуса в Монтану. Но теперь она не ждала, потому что поспешно шла назад на террасу, кафеетра или вокруг резной поперечины и сказала: «За камина уюто тебе ехать в Монтану? Когда я снова вернусь тебе? Лучше нам сейчас же пожениться прямо здесь! Чего ждешь? Идешь в магазин! Нам теперь нужен только один свидетель...»

Они стояли на террасе, ਦੇде померк, пальшее солнце скрылось, срывая пелену задремавшего неба.

— Мы не можем сейчас жениться! — закричала Перя. — Дождь идёт. Никто не женится в дождь.

— Но к тому времени, как он встал её под руку и быстро вывел её из сада, лиственцы уже прохладели, и крупные, массивные капли мягко шлепались на дымчатый асфальт.

— Пригласам мисс Перселл в свидетели, — предложил он.

— Мисс Перселл! — переспросила она.

Перед ними лежала главная улица, свежеемытая и чистая... Мерцающие рельсы трамвая, радужная вершина деревьев в средине них, как в раме, сверкающий купол Католической церкви в красном и белом цветах.

— Да, — согласилась она, — попросим мисс Перселл...

— ...Им так и вогде, держась за руки? — повторила Перя. — Повторяю?

Звонок в перебой, сказала он, раскрывая дверь в маршиный коридор с окнами цветного стекла, льющимися дождь глянцевыми призмами на ступени лестницы.

Их черепашьи пальцы пробежали весь список — семь или восемь фамилий на оборотной стороне бумажки под звонок. «Мисс Дороти Листелд — 1 дивизион, 4 корридора...»

— Ну, звонки — её казалось, что он никогда уже не коснется пальцем звонка — сержант этого сока между ними, потому что мисс Перселл — уже не преподаватель, а их самый важный и близкий друг, я видеть её дважды Перя — 1 дивизион, 4 корридора... всё равно что увидеть долгожданное старинное лицо в окне поезда после большой разлуки... Они позвонили — безжалостно резкий звонк пробегал по дому, затем четыре коротких вскрика.

Звонок ещё, ещё! — сказала она и не успела доложить, как он уже крепко целовал её: рука его смело тыпалась к выноске звонка, чтобы снова послать через весь дом прозябавший зов к мисс Дороти Перселл — 1 дивизион, 4 корридора... потому что мисс Перселл должна быть свидетелем...

— Ну, поднимайтесь. Чего же вы ждёте? — гласно провозгласил звонок сверху.

Увидевшие вонючий толчок они стали быстро шагать вверх по лестнице снов доклады грязных призм.

— Кто эта старая ведьма? Что здесь происходит? — шептала Перя при виде неприятной молодой женщины, с пустой сеткой для продуктов в руках.

— Полиция? — спросила женщина, шаря в поутытые корридора.

— Мы пришли к мисс Перселл.

— Мисс Перселл? — закричала хозяйка. — Зачем она вам? Ведь вы не полиция? — спро-

сила она, сморщив лицо и тыча пальцем в глаза. — Я вызвала полицию. Господи! Зачем вы мисс Перселл? Вот её комната, если хотите...

Тут толпа женщин заметила, что лицо Перя бледнеет. Позднее он сам удивился, как он сразу ничего не мог понять.

— Девушка вымстила мисс Перселл только час тому назад, — сказал он и вспомнил её тихую улыбку, резкий поворот головы; нет, ему и во сне не могло пригрезиться ничего подобного.

***

...Они тихо прошли мимо хозяйки в крошечную комнату, занимаемую мисс Перселл, и увидели на письменном столе разбросанные бумажками, книжечки полки, маленький столик с дешёвой фотографией, стоявшей рядом с вазой садовых цветов. Перед ними была закрытая дверь в её спальню.

— Она там, Господи, вам нужно было видеть её! Но я к ней не прикасалась. Надо ехать полицию... Я никак не ожидала... — жалобно выла хозяйка. — Не могу понять, почему она вдруг... Ведь она была такой хорошей девушкой. Жила в саду с мальчиком.

Когда ещё сама училась в колледже и когда стала преподавать... Целыми днями только и делала, что училась и учила... Она была хорошей женщиной. Вы её помните?

— Она наш друг, — сказала Перя. — Мы пришли сюда... и остановились, беспомощно глядя на Бингем; он вынул из кармана папиросы. — Сичири?.. Вот, — сказала она, взяв коробку на столик с фотографией.

— Это её молодой человек, — сказала хозяйка, указывая на фотографию.

— Благодарю, — сказал Бингем, шарясь сквозь дырку, но взглянул на молодого человека мисс Перселл, вспомнив её глаголю.

— Надо сообщить ему, — сказала Перя.

— Как, вы знали его? — спросила хозяйка.

Они очень тихо; учились вместе с ней, тоже мисс Перселл. Она жила и работала тогда он и мисс Перселл... хозяйка снова принялась всхлипать. — Они были такие хорошие бока... Я им помогала иногда сварить обед... Они не могли пожениться... Он там, дома, ждал её, ждал, ждал, ждал... Она работала день и ночь, экономила каждую копейку, никуда не ходила, во всё время отказывала... Но, должно быть, она много зарабатывала... Почему же?.. Почему она вдруг...

— ...Им так и вогде, держась за руки? — сказала Перя, услышав звонок в пустом коридоре.

— Телефон? Как? В чём дело? Кто может звонить? — закричала хозяйка с неожиданным негодованием, глаза её метаясь суетливой обидой. — Что это за звонк? Я не пойму!

Бингем вышел в коридор, внял с рычага трубку.

— Хелло! Говорит секретарь президента Эпплтона. Позвонил только что сообщила вам об этом дележном происшествии. Само собой разумеется, необходимо сохранить всё в абсолютной тайне, — сказал отдалённый голос... — это безусловно результат плохого управления. Президент Эпплтон выражает своей соболезнования... Вы, конечно, понимаете, что самое важное в данном случае — это строжайшая тайна...

— Нет, я не стану сохранять это в тайне, — грубо сказал Бингем. — Я расскажу каждому, кто попадётся мне на глаза! — и бросил трубку.

Когда он вошёл в комнату, женщины не сводили глаз с закрытой двери спальни.

Президент Эпплтон очень сожалел, что не может затряпать с ними сегодня; у него пропал аппетит... — сказал Бингем и, мелком взглянув на стол, заметил среди вороха книг и бумаг лачку счетов с яркой надписью: «Грэншоу».

Он вдруг почувствовал тошноту и прильнул лбом, глядя на этот стол, на весь маршиный, грязную комнату с её уродством и нищетой, с её дымчатой стеной, с её потонувшим урезывания себя и ожидания, безнадёжного ожидания того дня, когда наконец...

В перерыве раздался звонок.

— Кто теперь? — всхлипла вперед хозяйка. — Нет, что у вас? Кто это звонит? Полиция?.. — вдруг вспомнила она, и мысль о звонке вновь наполнила её ужасом, смешанным с гневом на то, что мисс Перселл совершила такое благодеяние в своём доме. — Я расскажу вам! — закричала она.

Бингем бросил окрок в пепельницу, глаза его уставо устремлены в раскрытое ниском ярыло и он не замечал, как ползущие вонючие появились в комнате, вынули карандаши и записные книжки и вежливо раскрывли дверь в спальню. «Дорогая мисс Перселл, — было написано в письме. — Мы крайне сожалеем о необходимости известить вас, что с началом нового учебного года, по причинам ограниченного бюджета, мы вынуждены отказаться от ваших услуг... Президент университета...»

— Я не знал, почему она это делала!.. Я не знаю никаких причин!.. Разумеется, нет!.. — кричала хозяйка. — Я только собралась пойти за покупками, как вдруг...

Подходящие вышли из спальни.

— Я не знаю, почему она это делала!.. Я не знаю никаких причин!.. Разумеется, нет!.. — кричала хозяйка. — Я только собралась пойти за покупками, как вдруг...

Спросили фамилии и адреса. Затем сказали, что все могут быть свободны. Бингем поднял глаза и увидел Перя. Она стояла у окна на фоне тусклого света, томилая и привлекательная, но лицо её побелело, губы дрожали. Она испуганно смотрела на портрет молодого человека мисс Перселл...

***

...И Бингем предвставлял себя и Перя, живущими в одной комнате как здесь, ниском. Он не мог оторвать глаза от неё. Он вдруг почувствовал себя взрослым, старшим на много лет.

— Вы должны убрать её отсюда! — кричала хозяйка, всхлиываясь. — Это вредный дом!

— У меня осталось только двадцать минут до отхода автобуса, — сказала Перя, глядя на Бингем.

Он встал и корнул вслед за ней, не сводя с неё глаз. «Где-то, где-то — не имеет значения. Мы ещё можем...» И вдруг снова увидел, как Перя жмёт в нищенской обстановке мисс Перселл, еле перебиваясь, не сводя копчик с концами, открывая счета с яркой надписью: «Грэншоу».

— Вот уж не думала, что мисс Перселл... — тихо сказала Перя и, не закончив, спросила: — А ты?

— Проглянешь друг к другу, они молча спускаются по лестнице. Когда они вышли на крыльцо, день уже тускнел. С дальнего холма доносился голоса: праздник выпускников — минувшие голоса, звеневшие в ушах, как зарюющие восточные трубы, гонимые ветром.

— Пожалуй, надо позвать такса, — быстро сказала Перя, артистично, что не слышит звуков праздника. — Нето я опоздаю на автобус...

— Послушай, Перя, мы же хотели... — поспешно начал Бингем, стараясь заглушить в себе всё, что так неожиданно узнал...

Он начал и остановился, желая только одного: обнять её и не сводить с неё глаз. Но он почувствовал, что он не может не сказать прости! и именно поэтому он не должен испортить её жизнь, обречая на нищету...

На улице раздались гонимые для неё такса, усидая в машину (но не сел вместе с ней, так как не хотел ехать прочь от станции), достал из кармана последнюю мелочь и перешёл шифру в улашту за проезд. Он всё провозгласил. Когда в комнате мисс Перселл, у окна, на фоне тусклого света, а у ног её — грязь и нищета...

***

...Ещё были слышны звонкие голоса, но она уже протыпала руку через отверстие окошко машины, чтобы слышать, говорит: «Перя! Приснет от меня твоих родителей...» — в глядя на него так, как будто она теперь знала то же, что и он.

— Хорошо же смотри за овдами там, в Монтане, — сказал Бингем.

— Ладно, — слабо засмеялась она, когда машина тронулась.

— Хорошо же увидимся... — вдруг отчаянно закричала он, неожиданно соображая: «Когда? Через сколько времени?»

Он видел, как она уезжает, и думал обо всём, что забыл им сказать старшей Эпплтон в это утро, когда она стояла в ожидании, тихих под наведением солоник, полных влюбленности, цвета словной смеси дилломом из потных рук мистера Болдуина — декана Колледжа науки и литературы...

Перевод с английского И. Савицкого и Б. Привалова

Сбор винограда.

Цветное фото Б. Кудоярова

В Ленинграде.

Цветное фото Л. Зверта

ТВОРЧЕСКАЯ ДРУЖБА

Большой зал консерватории. На эстраде, рядом со столом президиума, поблескивая чёрным лаком, стоит раскрытый рояль.

Комсомольское собрание обильно открыто — говорит председательствующий — Слово предоставляется студенту IV курса Илье Польскому.

Но Илья Польский не двигается с места. Он продолжает сидеть среди публики и тихо читать-чуть поглядывая корпусом вперёд. А на эстраду вместо него поднимаются концертмейстер и четыре музыканта — прославленный квартет имени Леонтовича. В зал несется звуки музыки. Комсомольцы внимательно слушают. Некоторые делают у себя в записных книжках какие-то пометки.

Следующее «слово» предоставляется Валентине Жубинской. Она занимает место за роялем и виртуозно исполняет новое, незнакомое произведение. Жубинскую сменяет у рояля комсомолец Виталий Сечкин, за ним выступает Борис Яровинский.

Так началось открытое комсомольское собрание Харьковской консерватории. На повестке дня стоял творческий отчёт студентов комсомольского творческого комсомольского факультета. Докладчики не говорили, они отчитывались перед комсомольской организацией в работе и учёбе исполнением своих собственных произведений.

А потом развлеклись прения. Два дня продолжалось это не совсем обычное комсомольское собрание. Выступая подробно разбирали достоинства и недостатки прославленных произведений, давали авторам советы.

Комсомольцы говорили о том, что для повышения идейно-политического уровня будущих композиторов и музыкантов необходимо, в частности, завлечь творческую дружбу со студентами родственных вузов и институтов. Творческие отчёты студентов консерватории перед широкой молодежной аудиторией. Так и было записано в решениях комсомольского собрания.

«...Громадные эфирные волны» о преставших «Вечере трёх институтов». Студенты ждали это с нетерпением: удасть ли не удасть это начинание?

Оно удалось на славу. Инициаторы вечера, студенты консерватории, радужно принимая у себя гостей — студентов родственных творческих вузов: Центрального и Художественного. В доверье заране были развешены полотна — работы студентов Художественного института. Один из преподавателей института рассказывал, над чем и как работала студентка, какая идея вложена в ту или иную картину.

Затем состоялся большой концерт из двух отделений, поставленный совместно силами студентов консерватории и Театрального института. В программе были скрипка, фортепиано, виолончель, пение; студентам Театрального института поставили несколько отрывков из «Весны в Москве», «Гробови эскадры» и др. В концерте выступил приехавший в гости к студентам Яков Флерер. Закончился праздник танцами в сопровождении студентского оркестра консерватории. С того времени «вечера дружбы» устраиваются регулярно.

Тесные связи завязали воспитанники консерватории и с комсомольцами и студентами харьковских предприятий. Несколько раз выступали студенты консерватории со своими творческими отчётами на собраниях комсомольцев Харьковской тракторного завода и Транспортного машиностроения. Она ищется перед рабочей аудиторией русскую классику, народные песни, произведения советских композиторов. Каждый такой вечер, каждое выступление перед массовым слушателем — не только праздник, но и ответственный экзамен, публичная проверка успехов в учёбе и творчестве. Потому так тщательно и с таким волнением готовятся к ним студенты консерватории.

П. Александров

РОЖДЕНИЕ ДОМА

Фото А. Сергеева

Строительство жилых домов на станции Люблино.

С каждым днём всё больше строится грандиозная и её пригородами. Всё чаще и чаще мы замечаем среди всё ещё многочисленных деревянных домовок и дачек каменные массивы будущей Большой Москвы. Они пока высятся на островках, затерянных в зелёном лесистом прибре. Но всё новые и новые дома вырастают рядом, и островок вплотную подходит к внешней черте города, прорывает её и становится частью его самого, становится новым районом Большой Москвы.

Мы присели на станцию Люблино, Московско-Курскую железной дороги, в середине дня. Огромный поселок был относительно безлюден: большинство взрослых его обитателей в этот час работало.

Главная улица поселка — Московская — привела к цели нашего путешествия — на обширную площадку, где воздвигались новые дома для рабочих Министерства, строительства тоннельных предприятий СССР.

Вокзала дороги, по которой одна за другой следовали автомашины с бетоном, с шлакоблоками, с плитками облицовки, выткнувшись в линию, стояли шесть одиночных домов. Если бы кто-либо сфотографировал каждый из них в отдельности, а потом дал бы список человек, не знакомых с этим строительством, то тот наверняка свёв бы их фотографии постройки одного дома. И поспешу он был бы прав.

Вот первый дом. Возведён фундамент и выложен цоколь первого этажа. Над ним возмощается металлический каркас, конструкция которого заменяет внутренние капитальные стены дома. К фундаменту уже подведены трубы водопровода, канализации и теплосети, обслуживающей все шесть корпусов. Дом второй. Если в точности повторить уже выделенную картинку, но зато поднялись вверх стены первого этажа, а в проё-

мах окон поблескивают стёклами готовые вторые этажи, а в первом, застеклённом и облицованном снаружи изштукатуренных цементными плитками, полным ходом идёт дальнейшая работа. Четвёртый дом, пятый... Растут стены, уже желтеют на солнце обрешётки деревянные фермы, стропила, и наступают день, когда на них ложатся серые листы линолеума. Дом подвёдет под крышу! Дом готов. Дом ждёт своих хозяев.

Все это происходит в семидесят два дня. Такой срок рождения дома, строящегося по методу скоростного метода.

На строительной площадке в Люблино работает главный инженер молодёжь. Молодые девушки — вчерашние телеграфистки, лаборанты, счетоводы и секретариши — познакомились с «мощнее и «кельмой», узнали свойства цементных растворов, постигли различные методы кладки, научились искусству управления машинами. Так, бывшая счетовод Маруся Изяболдина стала бригадиром каменщиков. Машинистом подъёмного крана работает бывшая телеграфистка Тамара Чернышова. Девушки систематически перевыполняют нормы. Их любовь и труд, смысл индивидуальность в работе, непрерывные поиски новых, лучших методов строительства немало способствуют тому, что дома растут буквально не по дням, а по часам.

Первая очередь строительства, включающая семь домов общей площадью в 2000 квадратных метров, будет закончена в этом году. К 1 января 1960 года будут построены ещё 12 трёхэтажных жилых корпусов, бани, прачечная, детский магазин и клуб. Таковы обилий планов строительства. И первыми обитателями новых домов станут те, кто их строил.

И. КЕМАРСКИН

Бригада девушек-строителей Марии Изяболдиной (вторая слева).

Фото П. Быкова

«РАКЕТА»

Маша страна — родина реактивной техники. Работы авиационных конструкторов отечественной школы — Кибальчича, Константинова, Иконникова и многих других — обеспечили развитие авиации в нашей стране. Особенно быстро она развивалась в годы второй мировой войны. Быстро стали применяться реактивное оружие и появились реактивные самолеты. Последующие годы ознаменовались появлением блестящих специалистов отечественной реактивной техники. В День авиации советские люди с чувством законной гордости вспоминают блестящих конструкторов, инженеров и рабочих нашей авиационной промышленности.

Вот почему естественен огромный интерес советского молодёжи к новой реактивной технике. Однако о реактивной технике написано мало популярных книг, которые помогли бы ознакомить с ней, заинтересовали бы читателей и в общедоступной форме сообщили бы основные знания по реактивной технике.

Именно мыслями в этом направлении книги В. Лигунова «Ракета» напоминает работу в научно-популярной литературе по реактивной технике.

Предназначенная для юношества, книга В. Лигунова и популярной форме излагает читателю со всеми основными вопросами ракетной и реактивной техники.

Книга в целом заслуживает высокой оценки. Главная ее достоинство заключается в том, что рассказ о технике представляется автором не как совокупность ластышек, мёртвых фактов, а как нечто живое, постоянно развивающееся, индивидуальное развитие ракетной техники, которое возникает на фоне возникновения новых технических трудностей.

Первые главы книги — это история ракет — двигателей и ракетно-оружия. Перед читателем развивается картина исторического развития ракет, происходит множество имен наших соотечественников, которые внесли свой вклад в развитие новой отрасли техники.

История развития ракетного топлива — вот что интереснее всего представлено в книге. Излагает эту историю как историю борьбы с трудностями и истерическими препятствиями, как историю сражений, выигранных в результате упорного труда.

Читая книгу, заслугой советских ученых, изобретателей, инженеров, конструкторов доказавших автором сильное влияние трудом — методом приведения фактов. И совершенно справедливо подчеркивает автор, что — только сейчас, когда в нашей стране можно оценить гигантский труд, вложенный смелой человеческой мыслью в создание новой отрасли техники, только сейчас можно понять и оценить немалую роль русской науки и техники, которая помогла создать из ракеты то, чем она стала сейчас: новым мощным двигателем и грозное боевое оружие.

Автор впервые в популярной литературе затронул целый ряд интересных вопросов, связанных с историей ракетной техники — двигателями, такими, например, вопросы тактики ракетного оружия, устройства, работы и испытания ракетно-оружия, ракетных двигателей, их летов с большими скоростями и многое другое. Заинтересованным читателям рекомендуется ознакомиться на работках советских инженеров, изобретателей и ученых, автор рисует перед читателем картину завоевания новых высот и успехов, завоевания космической, эти страницы книги читаются с большим интересом, как увлекательный фантастический роман.

Автором в книге использованы интересные факты, вспомнив слова замечательного русского ученого К. Э. Циолковского: «Историчность представляет собой основное качество научной природы, в традиций победе над миллилетним пространством».

Книга написана просто и ясно, снабжена многочисленными иллюстрациями. Следует отметить также, что в книге вкратце рассказано о первых главах истории ракетки — ракетно-оружия, о первых ракетах, которые читатель не только рассматривает, которые читаются с большим интересом. Выяснить читателю, что такое ракетное оружие, как оно строится, какие задачи выполняет ракетно-оружие, описаны в доступной, интересной, легкой для понимания форме.

Несколько слов об авторе книги: В. Лигунов — комсомолец, инженер-дизайнер, сотрудник авиационного института. Одновременно он занимается и изобретательской работой. Лигунов получил образование в авиационном институте в области реактивных двигателей. Своей работой совместно с Лигуновым занимается и нашу задачу пропаганды новой техники.

К. ГРЕБЕНЬ

В. Лигунов «Ракета», 136 стр. 80 рис. М. и Л. Тип. 1948 год.

Директор Стomatологического института профессор А. И. Евдокимов и врач И. И. Панов с С. В. Ланюк осматривают больного, подвергнутого пластической операции.

ПЛАСТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ

В начале войны скопилось вражеского снаряжения Фёдоров И. в лицо, изуродована часть его носа. Ракетными снарядами и губы в Омске, куда вернулся он, не удалось: не привелись ткани, парализованы на том месте, где была верхняя губа. Но из памяти Фёдоров И. не выходя рассказ одного бойца слышанный им на фронте. Это была история излечения маленькой девочки, одностельчатый бойца, от тяжёлого физического воздействия. Запомнилась только фамилия профессора, оперировавшего девочку, и то, что этот профессор работает в Москве.

Александр Иванович Евдокимов, так зовут профессора, которого только разыскали в Москве, решил оперировать Фёдора И. Он сумел восстановить прежний облик лица путём пластических операций.

Выдали ли вы, как скульптор долго ищет какому-то недостатку, даже если ещё неизвестно детали и уже почти готовое изделие? Окружающим кажется, что всё хорошо: достигнуто почти фотографическое сходство портрета с натурой, а выскателю художника остаётся неудовольствием.

Вот так же мучаются трудными поисками и хирург, производящий сложнейшие в восстановительной хирургии пластические операции. Он тоже иногда ищет из всех возможных только один единственный правильный путь оперирования, который привёл бы к восстановлению человеческого лица. Но, делая это, он не имеет права экспериментировать и не может ждать. Он должен решить сразу и безошибочно!

Пример всего профессора «живая» «фалатовский стельба» на верхней губе. Он острожно сшил мышечные и лицевые ткани, а оставшиеся соединил с мышцами щёк. И эти волокна должны были ожить, встать в окружающую их ткань. В безформенном «стельбе» должны были протекать все функции, свойственные этой части здорового человеческого лица. Они должны были дышать и принимать кровь в свои капилляры, двигаться...

Молодой хирург Светлана Зайцев, ассистировавшая при операции, с удовлетворением вспоминала в истории болезни, что девочка «стельба» реагирует на внешнее воздействие. При нажиме побелела. 5 декабря. Стал чувствителен к теплу. 7 декабря. Появился розовый оттенок...» Ещё раз было проведено то, что мы описали в статье, и через 7 дней губа заживала. В ней появились заныки.

Всё это время больной находился под наблюдением врача.

День за днём лила кровь за здоровье Фёдоров И. Наступил день, когда, по словам после операции, лет через 10, Фёдоров И. будет победа хирурга, победа советской медицинской науки.

Операция была произведена в клинике восстановительной стоматологии института, которым бесспорно руководит профессор А. И. Евдокимов.

Нельзя родить и сложных восстановительных

операций совершается в стенах этого института. Здесь восстанавливаются профессорами утраченные части лица — нос, подбородок, челюсти, щёки; устраняются дефекты и уродства.

Во время войны ранено фрезеровщику сталнинградского завода «Баррикады» Мария Г. из Калининграда. У неё была повреждена левая губная складка — провисла, была трудились заглаз — провисла, но только пластическими операциями и воссоздать целостность.

Мария Г., так же, как и Фёдор И., приехала в Москву. И Светлана Зайцев, и Светлана её неистовые мягкие ткани, привдя им форму подбородка и нижней губы. Так было создано своеобразное ложе для кости. Затем из грубой клежки пострадала лигатура ребрю и последили его на место отсутствующей челюсти.

А нельзя было поставить и зубной протез. «Неконечно» и снова смелую поощрять свою докучку! — с радостью говорит работница, собиравшая обратный путь...

В Стomatологическом институте признают лечится со всех концов страны — с Украины и из Сибири, с Севера и Кавказа. Недалеко из маленькой деревеньки Курской области приехала Мария В. Корь, которой она болела в детстве, была тяжёлая осложнение: обветривание щёк и губ. У девочки 11 лет были сохранились челюсти. Теперь, после операции в стomatологической клинике, она свободно разговаривает и нормально ест. В дальнейшем ей будет проведено восстановление щёк.

Никто не верил, что можно «сделать» нос больному остеомиелитом Алексею А., получившему ранение на фронте. Вопрос всем прислаивался: пластическая операция возможна удачно. От Алексея А. пришло на губу письмо, в котором он пишет, что «фалатовский стельба», из которого сделали нос, выдержал даже обморожения зимой.

Какая же образом происходит эти чудесные превращения на лице человека, известные в медицине под названием пластических операций?

Большие дефекты мягких тканей лица закрываются фалатовским стельбом, или лоскутом. Так называется часть кожи с подкожной жировой клетчаткой, перемещаемой с одного участка тела на другое. Обычно лоскут берётся с поверхности живота, переносится на губу, а губа — на лицо. Вещь эта сложный процесс, состоящий из 3-5 операций, длится несколько месяцев.

Сразу перенести ткань на лицо нельзя, так как, оторванная от человеческого организма, она умирает. Поэтому лоскут «перезаправляют» губу постепенно и все время питаются то же, что и лицо, то есть кислородом.

Институт — новый тип советского вуза, в котором работают врачи и сотни студентов, получающих высшую квалификацию по лечению различных заболеваний и травм головы и лица. Здесь, в институте, работают и врачи-хирурги. Здесь, учившиеся получают высшее медицинское образование. КУДИКОВСКАЯ

ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА

САМАЯ КОРОТКАЯ ДИСТАНЦИЯ

Тишина. Низко пригнувшиеся фигуры бегунов на дорожке. Команда стартера: «Внимание!»

Взврат! Состязания начались. Резко выскочив вперед, стремящийся уже с первых шагов опережит друг друга. Пройденные первые 30 метров... Спринтеры бегут широким шагом, энергично работая руками. Секунды... Секунды... Уже пройден 60 метров... 70... 80... 90... Завытая ленточка финиша. Последнее услышанное — бросок грудью вперед... Бег на 100 метров окончен!

Только 10,4 секунды затратил москвич Николай Каракулов на то, чтобы пробежать 100 метров. Рекорд родился в результате острой борьбы с прежним владельцем рекорда московским Петром Головкиным (показавшим 10,5 секунды) и двумя молодыми московскими спортсменами — аспирантом Николаем Пономаревым и телеинженером Владимиром Коревым (их время — по 10,8 секунды). Чтобы победить 0,2 секунды с прежнего рекорда, понадобилось восемь лет кропотливой и настоящей работы наших лучших бегунов на короткую дистанцию! Теперь лишь 0,2 секунды отделяют Каракулова от мирового рекорда, установленного в 1936 году немцем Джессом Оуэнсом (США).

ПОЛЕТ КОМПЬ

Нелегко заставить длинное с острым наконечником копье пролететь 60 метров! Всплеск воды, разбег, рывок рукой, и копье перелетает через зеленое поле. Сколько настоящей работы в тренировке требует это движение! Ведь маленькая истинная — и бросок может не удалиться. Главная цель металла — создать наибольшую начальную скорость полета шпета.

Киевлянин Иван Котюк недавно установил новый рекорд шпета СССР: он бросил копье на 62 метра 20 сантиметров. Это достижение стало возможным потому, что Котюк сумел придать своему копью начальную скорость не менее 26 метров в секунду. Благодаря точному направлению копья воздух не оказал большого сопротивления, и старый рекорд был превзойден на шесть метров.

ВОПРОСЫ ПОСЛОВИЦ

Короткий, аэластичный разбег. Быстрый толчок одной ногой. Пригну легко вылетает вверх, как будто его подыма всякая-то неведомая сила. Поворот набок, и, лежа в воде, «перепрыгивая» через плаву, ленинградцев Юрий Ильинс бегит в прыжке высоту 1 метр 35 сантиметра. Это на сантиметры больше, чем его собственный рост. Юрию 22 года. Тренироваться в прыжках он начал в 1946 году. Уже не в первый раз он преодолевает высоту 1 метр 30 сантиметров, как бы опираясь на воду: «Выше себя не прыгнешь».

Юрий Ильинс задался целью в ближайшее время побить «уборчатый» рекорд — 1 метр 35 сантиметров, установленный еще в 1936 году.

Н. Озолин берет высоту 4 метра 18 сантиметров. Фото О. Нелдова

Нашей выдающейся спортсменке горьковчанке Валентине Фокиной принадлежал всесоюзный рекорд в беге на 80 метров с барьерами, равный 12,5 секунды. В 1947 году Фокина впервые попробовала свои силы в этом сложном виде спорта. Тогда она пробежала дистанцию за 13 секунд. Ожидания лет спустя она проработала дистанцию за 11,4 секунды. Барьерный бег требует от каждого участника скрупулезной точности в движениях, резкости, быстроты, предельно четкого ритма.

Валентина Фокина — одаренная спортсменка с отличными природными данными. Но успеха ей удалось не легко. Ее победы и рекорды родились в результате упорного труда. Выносливый лет Фокину можно было встретить на московской стадионе «Динамо». Под руководством тренера Л. Хоменкова готовилась она и соревнованиям. Несколько раз Фокина повторила свой всесоюзный рекорд. Нужно сказать, что в сентябре на всесоюзных легкоатлетических соревнованиях в Харькове ей удалось еще улучшить свой достижение.

На сямике в: В. Фокина (второй слева) на дистанции барьерного бега. Рядом с ней Г. Турова.

Фото О. Нелдова

ЕДИНОБОРСТВО ДУХА АЛЕКСАНДРОВ

Плотный, сильный металл, стоя в кругу, обнесенном предохранительной проволочной сеткой, плавно вертит над головой жгидкое ядро, прикрепленное к длинной стальной проволоке. Обими руками крепко сжимает на маленькую рукоятку спортивного снаряда. Один за другим три поворота. Последний поворот неожиданно обрывается. Снаряд внезапно вылетает из рук и, со шипением расскрывает воздух, стремительно уносится вдаль. Это — метание молота, самое сложное из всех видов метаний. Точность и быстрота движений позволили ленинградцу Александру Шехтелю установить новый всесоюзный рекорд, равный 55 метрам 81 сантиметру.

Большая длина трессы, солидный вес ядра (выше семи килограмм) и скорость поворотов металла придают снаряду центробежную силу, превышающую 200 килограмм. Метатель, совершая правильные движения и ускоряя повороты, во время должен противодействовать этой силе.

Не меньшая возможность обладает и другой советский мета-

тель, князьин Александр Кивани. Его недавний всесоюзный рекорд равнялся 55 метрам 53 сантиметрам. Престигнейшее единоборство двух Александров сулит новый выдающийся рекорд.

730 КИЛОГРАММОВ

Такую нагрузку испытывает во время толчка нога прыгуна в длину при прыжке за 6,5 метра. Только чрезвычайная кратковременность этого движения (0,11—0,13 секунды) позволяет оваякам и мышцам атлета пережить огромное напряжение.

Основой дальнего прыжка является сочетание большой скорости разбега с мощным толчком от бруска. Короткий полет с предельно вытянутыми вперед ногами — вот и весь прыжок.

Предельно хорошей результатов в прыжке в длину являются высокие показатели в беге на 100 метров. Когда летом 1946 года баллиад Хан Дадан Малков, тогда еще юнцом, впервые пробежал 100 метров меньше чем за 12 секунд, зрители поразил необычайной быстротой его движений. «Он может добиться успехов и в прыжке», — говорили они.

Хан Дадан подтвердил мнение тренеров и, пробежав лесною этого года 100 метров за 11,1 секунды, немалого показателя установил молодой рекорд Азербайджана в прыжке в длину с разбега — 6 метров 98 сантиметров. Это достижение молодого атлета — лучший результат сезона.

МАРАФОНСКИЙ БЕГ

Самая длинная дистанция в легкой атлетике называется марафонским бегом.

2438 лет тому назад возле местечка Марафон, расположенного на берегу Средиземного моря, в нескольких десятках километров от столицы Греции — Афин — греческие воины одержали победу над персами. Тогда, легенда легенда, один из лучших бегунов греческого войска был послан в Афины, чтобы сообщить радостную весть. Всежав на центральную площадь Афин, юноша упал крякуля: «Ура! Ура! Ура! — мы победили!» — и упал замертво. В честь этого легендарного бегуна и проводится соревнования на дистанции 42 километра 196 метров (равную расстоянию от Марафона до Афин).

Прекрасное здоровье, отличную тренированность, необычную выносливость и большую силу воли нужно иметь бегуну на сверхдлинные дистанции.

Чемпион Советского Союза по марафонскому бегу москвич Феофан Ванит в июле нынешнего года пробежал дистанцию за 2 часа 31 минуту 55 секунд. Это — высшее достижение СССР. Ленинградцев В. Горюченко занял второе место с показом 2 часа 32 минуты 24 секунды.

Старейший марафонец нашей страны 58-летний лютовкин М. Голдин пробежал 42 километра 196 метров за 3 часа 42 минуты 6 секунд.

35 ДВИЖЕНИЯ В СЕКУНДУ

По дорожке для прыжков, легко бежит длинный бамбуковый шест, бежит небольшого роста, ладно сложенный спортсмен. Вот он приближается к стойкам, на которых установлены плашки. Упор кончик шеста в специальную нишу — и атлет на шесте взлетает вверх, делая «стойку» и, оттолкнувшись от шеста, преодолевает высоту и приземляется на песок. Сколько ловкости, точности, силы и быстроты вложено в это короткое и красивое упражнение!

Хороший прыгунок с шестом сочетает в себе быстрого бегуна, отличного прыгуна в длину и прекрасного гимнаста. В течение одной секунды прыжка при четырехметровой высоте нужно сделать 35 движений.

В прыгуна энергичные черты лица, седые виски. Это чемпион СССР, москвич Николай Озолин. Ему 41 год. Более двадцати лет он держит звание сильнейшего прыгуна Советского Союза и лучшего результата — 4 метра 30 сантиметров. В текущем сезоне нестарейший Николай Озолин прыгнул на 4 метра 20 сантиметров. Петр Девясинов (Днепропетровск) прыгнул на 10 сантиметров меньше.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС «СМЕНИ»

Редакция журнала «Смена» по решению ЦК ВЛКСМ объявила с 1 февраля по 1 июня 1948 года открытый литературный конкурс на лучшие короткие рассказы.

К окончанию установленного срока в редакцию поступило свыше тысячи рукописей.

Пришли рассказы в подавляющем большинстве молодые авторы, только впервые дорогу в литературу, выступающие в печати впервые или недавно дебютировавшие. Интересно отметить, что московские авторы составляют в общей массе участников конкурса всего 15 процентов.

В общем потоке рукописей значительное место

занимает рукописи из восточных районов. Так, из Сибири поступило 57 рассказов, в том числе 18 — из Красноярского края; 53 — с Урала; 13 — с Дальнего Востока.

В конкурсе представлены авторы многих областей РСФСР и союзных республик. 86 рассказов поступило с Украины, 16 — из Казахстана, 12 — из Узбекистана, 12 — из Грузии, 27 рукописей прислали воины Советской Армии.

В настоящее время жюри конкурса заканчивает рассмотрение присланных рассказов. Решение жюри будет опубликовано в одном из ближайших номеров журнала «Смена».

ШАХМАТЫ

БИЛСТАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКИХ ШАХМАТИСТОВ

В числе пяти призовых закончившего международного турнира в Швеции — четыре шахматиста СССР. После недавнего выжидательного успеха наших гроссмейстеров в матч-турнире на звание чемпиона мира это — новое торжество советского шахматного искусства.

Ряд зарубежных шахматистых авторитетов называли победителями Найдроба (Аргентина) и Шталбергера (Швейцария). Однако они оказались за чертой призовых. Наши шахматисты добились окончательного перевеса во встречах с иностранцами. Из 11 партий они выиграли 31, проиграли 4, остальные сыграны вничью.

САМАЯ КРАСИВАЯ ПАРТИЯ

Судейская коллегия международного турнира в Швеции присудила первый приз за самую красивую партию гроссмейстеру Андрею Лиленталю, игравшему с Найдробом. Приводим ее с примечаниями мастера М. Юдовича.

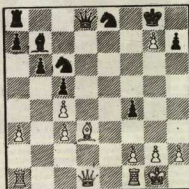
Защита Нимцовича

Белые — А. Лиленталь (СССР).

Черные — М. Найдроб (Аргентина).

1. d2—d4 Кс6—f6 2. c2—c4 е7—е6 3. Кf1—с3 Сf8—b4 4. e2—e3. (Взятие на размен на с3, б4—е3 не исключает двух слонов и укрепляет свое положение в центре. Однако сдвоенные пешки с3 и с4 слабы, и это момент связаться в дальнейшем.) 4... Сd4—c3+ 5. b2—c3 е7—e6 6. e2—e3 Кf8—с7 7. Сf1—d3 б7—b6 (Черные не делают хода 7... d5, белым не хватает б4, с4 белые извиняются бы от своей слабой пешки 7... Кf8—e7, а если белые 10... 0—0 е7—e6 11. e4—e5 (Интересней возможности шрифт фигурам придти на ашхату королевского фланга. Но в партии) 11... d5—d4 12. e4—e5 Сd7—b7 13. Сd3—d4

17—15 14. e5—f6 е6—e7 (Черные не подозревают о наивысшей опасности. Лучшее было 14... f7—f6. Это после 15. f6—e5 оставалось бы белым лишь неогороженную пешку — 15... f7—f7 (принимая и делая расчетливую комбинацию) 15... d6—f4 (Если 15... К—e7, то 16. e4—e5) 16. e4—e5 (Если пешка 16. Кd2:14 е5—f6:14.

17. Сd3—b7 (Неожиданный и меткий удар ферзя и дилы белых типично-агрессивно входит в игру) 17... e8—b7 18. Фd1—b5—f7 19. Кd1—d1 Фd8—d6 (Если 19... Фe7, то 20. Лd1, а на 19... Фe7 ответило 20. Фd1—f7) 20. Лd1—f7 Кс6—с8 21. Лd7—b7 Кс6—с8 22. Лb7—d7 Кс6—f7 (Капелет, что черные удачно перестроили свои силы, но гроссмейстер Лиленталь находит новые возможности атаки) 23. Фd5—d5 Лb8—b6 (Нельзя играть 23... Лd8 из-за 23... Фd7, Ф—f7 25. Ф—d3) 24. Лb1—e1 f4—f3 (Открытие. Прошло 25... f4—f3, а если 24... Кd7, то 25. Л—f7+ Фd8—b6 Фd8—b6 Фd8—b6) 25. Лd1—c1 (Черные сдаются. Если 25... Кd7, то пролет 26. Лd1. На 25... f5 решительный Лb5. Белостратическая победа!

Д. Бронштейн

С 15 июля по 18 августа в шведском курортном городке Салтс-Еддине, расположенном близ Стокгольма, продолжался международный шахматный турнир. В этом турнире соревнования участвовали двадцать сильнейших шахматистов Европы, Америки и Австралии.

Первое место занял 34-летний москвич Давид Бронштейн — единственный участник турнира, не испытавший поражения. Выдающаяся победа молодого, одаренного шахматиста, ныне гроссмейстера СССР.

Д. Бронштейн — воспитанник шахматного кружка енисейского Дома пионеров. Под руководством мастера А. Константиновского Бронштейн совершенствовал свое искусство. В 16 лет ему было присуждено звание мастера. В XIV Всесоюзном шахматном чемпионате (1945 год) он занял третье место. Следует отметить его большой успех в чемпионате Москвы 1946 года, в котором он опередил гроссмейстеров Бондаревского, Котова, Лиленталю, Смыкова.

Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	Сумма
	1. Бронштейн (СССР)	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2
2. Сабо (Венгрия)	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	12
3. Болеславский (УССР)	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	12
4. Котов (СССР)	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	11 1/2
5. Лиленталь (СССР)	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	11
6. Бондаревский (СССР)	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	10 1/2
7. Флор (СССР)	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	10
8. Найдроб (Аргентина)	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	10
9. Шталбергер (Швейцария)	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	9 1/2
10. Трифунович (Югославия)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	10 1/2
11. Век (Финляндия)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	9 1/2
12. Гангорар (Югославия)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	9 1/2
13. Льерд (Югославия)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	9 1/2
14. Рагозин (СССР)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	8 1/2
15. Зноскок (Канада)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	8 1/2
16. Тартаков (Франция)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	1/2	8 1/2
17. Шахна (Чехословакия)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	1/2	7 1/2
18. Шахна (Швейцария)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	1/2	7 1/2
19. Шталбергер (Австралия)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1/2	8 1/2
20. Луцкин (Швейцария)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	4 1/2

Редакционная коллегия: Н. Асеев, Е. Домогатовский, Н. Мукоя, М. Котов, А. Космодемьянский, Г. Кулик, В. Лядин, Б. Полевой. Адрес редакции Москва, 40, ул. «Правды», 24. А — 06338. Подп. к печати 27/III 1948 г. Выпуск № 1860. Тираж 60 000. Изд. № 843. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Андрей Александрович КИДАНОВ

Александр Кривичкий — Герон нашего времени.
Мария Воробьева — Наташа.
Мастера прикладного искусства — фотоочерк.
И. Сафронов — Зеркало русской революции.
А. Шаповалова — Толстовские чтения.

Эдвард Харис Хэт — Что их ждет вперед.
П. Александров — Творческая борьба.
Н. Комарский — Рождение дома.
Г. Губриков — «Гравата».
Г. Куликоская — Пластическая операция.
Г. Васильев — Легкая атлетика.
Литературный конкурс «Смены».
Шахматы.

На первой странице обложки — «на уроке». Фото Г. Борисова.

На четвертой странице обложки — песня «Слой, товарищ».
Слова Л. Ошанина, музыка З. Компанейца.

Оформление номера художника В. Урина.

Спой, товарищ...

Слова Л. Ошанина

Музыка Э. Компанейца.

Спой, товарищ, снова про Каховку,
 Про огни костров на холоду,
 Как безусый юноша с винтовкой
 Шёл в двадцатом памятном году.

Мчались годы и легли седины
 На виски строителя-бойца,
 В эти годы выросли он сына,
 Всей душой похожим на отца.

Золотые травы пахли мятой,
 И на бой с отцом в одном ряду
 Шёл безусый воин с автоматом
 В сорок первом яростном году.

Шёл вперёд защитник и хранитель
 Сквозь огонь и смерть в чужом краю,
 И домой вернулся победитель,
 Чтобы строить Родину свою.

Всей душой, отвагой и умением
 Мы тебе послужим, наш народ,
 Ведь недаром с каждым поколением
 Сила юшей юности растёт!

Музыка Э. Компанейца

Спой, то-
 -ва, про Ка-хов-ку, про ог-ни ко-ст-ров на хо-ло-ду,
 -ду, как бу-зо-су-ю-ша с ви-но-в-оч-кой
 -ду, шёл в двад-ца-том па-мя-т-ном го-ду.

Мч-а-лись го-ды и ле-гли се-ди-ны
 -ду, на ви-ски стро-и-те-ля-бо-й-ца,
 -ду, в э-ти го-ды вы-рос-ли он сы-на,
 -ду, всей ду-шой по-хо-жим на от-ца.

Зо-ло-тые тра-вы па-х-ли мя-той,
 -ду, и на бо-й с от-цом в од-ном ря-ду
 -ду, шёл бу-зо-су-ю-ш-им во-и-ном с ав-то-ма-том
 -ду, в со-ро-к пе-р-вом яр-о-ст-ном го-ду.

Шёл в-пе-р-ед за-щит-ник и х-ра-нит-ель
 -ду, ск-воз-ь ог-нь и см-ер-ть в чу-ж-ом кра-ю,
 -ду, и до-мой вер-нул-ся по-бе-ди-тель,
 -ду, что-бы стро-ить Ро-ди-ну сво-ю.

Всей ду-шой, от-ва-гой и у-ме-ни-ем
 -ду, мы те-бе по-служ-им, наш на-род,
 -ду, ведь не-да-ром с ка-ж-дым по-ко-ле-ни-ем
 -ду, си-ла ю-ше-й ю-но-сти рас-тёт!

© Издательство «Детская литература» 1984 г.